

Алексей Казанцев

СНЫ ЕВГЕНИИ

Пьеса в двух действиях

Все тот же сон! возможно ль?..

А. С. Пушкин

Действующие лица

Евгения.

Зоя Даниловна — ее мать.

Федор Петрович — ее отец.

Гриша — ее старший брат.

Филипп — ее младший брат.

Нина — жена старшего брата.

Оля — подруга Евгении.

Виктор — слесарь-сантехник.

Кирилл — врач.

Действие первое

Все готово к обеду. Нина и Евгения раскладывают на обеденном столе ложки и вилки. Мать несет из кухни супницу, ставит на стол.

Мать (зовет громко). Оте-ец! Гриша! Филипп! Обедать! Обедать! (Хлопочет вокруг стола.)

Из одной комнаты быстро входит Отец, садится за стол, из другой — появляется Гриша.

Отец (напевает).

«Нам ли стоять на месте...

В своих дерзаниях всегда мы пра-
вы...»

Нина (напевает).

«А ты такой холодный,
Как айсберг в океане...»

Гриша (напевает).

«Ты не радуйся, змея,
Скоро выпишут меня...»

(Матери.) Ну скоро жрать-то?

Мать (разливает суп по тарелкам).

Не торопись, сынок.

Зачем так грубо?

Ведь младший брат

Еще твой не пришел...

Отец.

Не дело это

Взрослым ждать мальчишку,

Последнее он время распустился.

Нина. Его бы вам примерно наказать...
Мать (зовет). Филя! Филипп! Поторопись. Тебя все ждут!

Из своей комнаты выходит Филипп.

Филипп. Ну чего орать? Чего орать? Сижу — уроки делаю.

Отец. Ты как говоришь?

Гриша. Знаем твои уроки...

Мать (нараспев). Праздничный обед! Праздничный обед! Не ссорьтесь! Все хорошо!

Отец. Ну, приступим...

Филипп. А Женя?

Мать. Женечка, иди за стол.

Евгения стоит у окна, смотрит на улицу и не отвечает.

Женя! (Пауза.) Женя!

Отец. Опять! (С грохотом бросил ложку на стол.)

Все повернулись и смотрят на Евгению. А Евгения смотрит в окно.

Мать (Отцу). Только спокойно! Только без нервов. Помнишь, как нас учили...

Отец. Никакого терпения не хватит...

Все (наперебой). Женя!.. Женя!.. Обедать!.. Обедать иди!

Евгения смотрит в окно. Долгая пауза.

Евгения (вдруг вздрогнула и оглянулась). Ой! Вы уже сели... (Садится за стол.) А я задумалась...

Отец (тяжело вздыхает). О чем?

Евгения. Ой! Так о многом... О том, что такое праздничный обед... И что такое окно, у которого я стою... И что такое улица, на которую я смотрю... И что такое...

Отец (прерывает). Соль не забыли?

Мать. Вот, вот она!

Отец. Ну тогда... едим!

Все едят.

Гриша. Хороший салат.

Нина. Превосходный салат.

Мать. Я готовила его от души.

Едят.

Отец. Какой наваристый суп. Он наваристый оттого, что ты не пожалела мяса.

Гриша. Мяса много. Это хорошо.

Нина. Если бы мяса было поменьше, это было бы плохо.

Мать. Да уж, мяса я туда бухнула от души.

Отец. Это то мясо, которое ты купила вчера?

Мать. Да. Это то самое мясо. Продавец хотел мне всунуть кусок, где кость побольше, но я выбрала другой и рада, что выбрала удачно.

Отец. Удачная покупка — это праздник.

Едят.

Мать. Ты что так плохо ешь, Евгения?

Евгения. У меня нет аппетита...

Нина. Пф... Нет у нее... Мозгов у нее нет... Не жрет, оттого и глупа...

Отец. Жареные мозги — прекрасная еда.

Мать (Евгении). Молодая женщина должна хорошо питаться. Потому что потом ей придется рожать.

Филипп. Рожать? (Смеется.)

Мать. Да-да... Сначала есть — потом рожать... Потом опять есть — и опять рожать... И так всегда...

Отец. Котлеты сегодня особенно удачны.

Мать. Я готовила их от души.

Гриша. Компот превосходный.

Мать. Я варила его от души.

Нина. Хлеб у Филиппова брали?

Мать. У Елисеева.

Радио (внезапно включаясь). Значит, так... Международная обстановка: ананасы подорожали, бананы подешевели... Рябчики... рябчики...

Слышится шуршание бумаги.

Отец. «Ешь ананасы, рябчиков жуй, день твой последний приходит, буржуй...».

Смеются.

Радио. Рябчики жареные... вчера у Максима... 800 франков за порцию... Армагеддон грядет... Это не то... Вот... По родной стране. Труженики совхоза «Воспоминание о Каспии» выловили вчера (по складам, с трудом) сев-рю-гу... Вона что... Севрюгу выловили. В ней находилась (по складам) ик-ра... Вона что. Икра была. На торжественном собрании, посвященном вылавливанию сев-рю-ги, выступавшие заверили, что... Ну, понятно... Заверили... Теперь — разное: пенсионер Родионов на спор съел 50 блинов.

Отец. И жив?

Радио. А что ему делается?

Отец. Крепкий у нас народ... Со сметаной ел?

Радио. Со сметаной. Кроме того, за истекшие сутки умерло от переедания тридцать человек, от непонимания, как дальше жить, — девятнадцать человек... (Бормочет.) Питался исключительно рыбой... Вел аскетический образ жизни... Это не то... Юмор. Утонул в котле с борщом житель западногерманского города...

Отец (выключает радио). Ну, поехали... Не люблю я... Начинают о грустном... Только аппетит портят...

Едят.

Мать (Филиппу). Миленький, что же тебя не слышно? Почему ты не чавкаешь, когда ешь?

Филипп. Женька меня отучает. Говорит — некрасиво.

Отец. Она не права. А как же тогда узнать: жив человек или уже умер. Я всегда прислушиваюсь: если чавкает — значит, еще жив.

Мать. Сынок, мне так тепло становится на душе, когда я не только вижу, как ты ешь, но и слышу... Пожалуйста, не огорчай маму...

Нина. А Женьку выкинуть в окошко...

Гриша. Шутка такая...

Смеются. Едят.

Отец. Расскажи, что ль, мать, где утром-то была, куда бегала?

Мать (с готовностью). Я сегодня стояла в очереди за колбасой.

Отец. Колбаса — это хорошо.

Мать. Была длинная очередь. И была длинная колбаса.

Отец. Когда много колбасы — это хорошо.

Мать. Я купила самую лучшую колбасу.

Гриша. Когда ешь колбасу — чувствуешь себя человеком.

Отец. Да. А когда колбасы нет, то в душе какое-то неприятное ощущение.

Гриша. Да. Не можешь понять: человек ты или нет. Ведь если ты не ешь колбасу — трудно разобраться: человек ты или не человек.

Отец. Человек ест колбасу. А колбаса ест человека.

Гриша. Чем больше колбаса ест, тем больше она толстеет.

Нина. Чем больше выпускают колбасы, тем больше нужно людей. А то колбасе нечем будет питаться.

Отец. Да. Нужно удовлетворять потребности колбасы в людях.

Радио (включаясь, скороговоркой). По странам мира. Отбивная по-тихоокеански... Вырезку из ляжки мужчины соседнего племени густо поперчить, приправив и издавая хвалы...

Отец (выключая радио). Тьфу ты, мерзость какая! Что они там сегодня?

Филипп (смеется). Ляжку?.. А кому хвалы-то?

Отец. Да чего хорошего? Убили человека и едят. Безобразие. (Филиппу.) Ешь.

Едят.

Кто это, кстати сказать, руль у машины съел?

Все смотрят на Гришу.

Гриша. Ну я...

Отец. Я же тысячу раз просил: что угодно — только не машину.

Гриша. Пришел поздно. В холодильнике ничего. Не помирать же. Я и колесо съел.

Отец. Безобразие! Это переходит все границы! Ел бы телевизор, в конце концов!

Гриша. Обрыдло.

Нина. У нашего японского ковра очень тонкий аромат... К тому же он без костей...

Мать. А что, Гришенька, нашли твоего сослуживца?.. Ну, который, помнишь... выступал все...

Гриша (нехотя). Так кое-что... шляпу... башмак... Ищут... Собака след не взяла...

Отец. Найдут... (Встает из-за стола.)

Мать.

Куда же ты стремишься,
мой любимый?

Ведь ломится еще наш стол от яств.
И многое в подлунном этом мире
Еще мы не успели раскусить...

Отец.

Пока вкушайте без меня, старуха.
В задумчивость я нынче погружен.
И многие меня тревоги мучат,
И цепь веков проходит чередой...

(Обращается к радио.) Фу! Ну и нажрался же я.

Радио. А ты пойдй еще потрескай.

Отец. Сейчас пойду.

Радио. Главное в жизни — что?

Отец. Что?

Радио. Пожрать, попить, корешам-братанам помочь, баб потрахать, помет оставить.

Отец. Детишек то есть?

Радио. Ну да. На работе не надрыватьсья. Потом — на пенсию выйти, здоровье беречь. Умер в девяносто — и как огурчик.

Отец. Во жизнь. За такую и боролись. *(Плачет.)* Деды и отцы наши погибали.

(Вздыхает.) Пойду поем.

Радио. Иди, милый. Иди.

Отец. Закурить нет?

Радио. Не курю.

Отец *(задумчиво)*. Я вот спросить хотел... Сколько же всего на свете-то есть. Как его все съесть и купить? Не знаешь?

Радио. Трудно.

Отец. Трудно.

Радио. А ты старайся. Увидел чего — взял и съел. Чего съесть не смог — купил на будущее. Потом съешь. Чего купить денег не хватило — пришел домой, в тетрабочку записал: мол, то-то и то-то купить потом. Чего ни купить, ни съесть не сможешь — то, значит, всячески ругай. Что, мол, от него и весь вред.

Отец *(неуверенно)*. А ты надо мной не смеешься?

Радио. Смеюсь.

Отец. Ах ты... Да я тебя. *(Замахивается.)*

Радио *(рвкнуло)*. Взять его!

Отец *(испугался)*. Что? За что? Товарищи...

Радио *(мужским голосом)*. То-то же. Смотри у меня... *(Женским голосом.)*

А сейчас послушайте русские народные сказки в исполнении министра трудной промышленности гражданина Тугарина...

Мать *(пританцовывает и напевает)*.

Праздничный обед! Праздничный обед!

Нина *(напевает)*. Добавка! Добавка!

А вот кому! А вот кому!

Отец *(опять садится за стол)*.

Прошу, друзья, начнемте все

сначала.

Должны как можно больше

проглотить мы.

Ведь корень философский нашей жизни:

Кто больше съел, тот больше занял места.

Гриша. Едим! Едим! И в этом все едины!

Нина.

Идейные едейные основы

Нас всех объединили!

Это счастье!

Мать. Евгения, тебе добавить супа?

Евгения молчит, смотрит в одну точку.

Евгения!

Евгения молчит.

Отец. Опять! *(С грохотом бросил ложку на стол.)*

Нина. Еще с голоду так помрет...

Филипп. Жень, не умирай...

Гриша. Не дадим... *(Достает огромную воронку).* Помогай, мать...

При помощи ножа раскрывают Евгению рот и вставляют в него воронку. Евгения что-то мычит, не сопротивляется.

Все окружили Евгению, держат ее крепко. Мать становится на стул, поднимает супницу и начинает лить суп в воронку.

Лей, мать.

Филипп. Осторожнее...

Все *(напевают негромко)*.

Ешь, ешь нашу еду...

Ешь, ешь до дна, до дна...

Ешь, ешь нашу еду,

Наша победа видна...

Радио *(в полной тишине)*. Старый бог умер...

Евгения, захлебываясь, пытается что-то сказать.

Все *(поют на мотив венского вальса)*.

Вот умер, умер старый бог!

Уже давно он занемог!

Он нашу пищу не жевал!

И ноги он едва таскал!

Вот умер, умер старый бог...

Мать вдруг покачнулась, супница выскользнула у нее из рук... Раздался общий вопль... Все бросились на помощь...

Евгения просыпается и резко садится. Сидит на диване, оглядывает комнату.

Живет Евгения в большой проходной комнате, она же — «гостиная». Здесь у окна ей отгорожен угол: диван, ширма, небольшой письменный стол, шкаф — и для книг и для одежды. Евгения протягивает руку и включает радио.

Радио. Начинаем утреннюю зарядку! Бегом марш!..

Евгения с трудом встает и пытается бегать по комнате. Квартира постепенно оживает. Гриша и его жена Нина, отец, Федор Петрович, курсируют между своими комнатами, ванной, туалетом. Мама, Зоя Даниловна, как оказалось, давно уже на кухне, готовит завтрак.

Приседания начали! И — раз! И — два! Евгения пытается делать все, что советует радио. Это ей дается с трудом.

Гриша (проходя). Молодец, молодец, Женька! Не сдавайся!

Мать (громко). Завтрак готов! Прошу к столу!

Все потянулись на кухню. Отец, проходя, целует Евгению.

Евгения. Доброе утро, папа...

Отец. Доброе утро, дочка...

Мать (громко). Филипп! Он опять проспит... *(Идет через «гостиную» к двери комнаты Филиппа.)* Филя... Завтрак стынет... *(Дергает ручку.)* Ты опять заперся? Ты зачем заперся?

Голос Филиппа. Иду!

Мать. Опоздаешь... Что за наказание. *(Идет на кухню.)*

Радио. Бегом марш!

Евгения послушно бежит.

Филипп (выскакивает в трусах и майке, бежит на кухню). Привет...

Евгения. Привет...

Радио. Переходите к водным процедурам!...

Евгения выключает радио и садится на диван. На кухне все завтракают.

Нина. Филипп, дорогой... Я же просила тебя неоднократно... За столом в майке, трусах...

Гриша. И рожа немытая...

Мать. Да-да, Филя, чтоб в последний раз...

Филипп. Я исправлюсь.

Нина. Старо предание...

Мать. Что-то Женечка не идет...

Нина. Зоя Даниловна... И так теснота... Она же целый день дома.

Гриша. Мать, ты собираешься потихоньку?

Мать. Да уж начала. Время есть еще...

Гриша. У тебя, главное, все эти варенья, соленья, крупы... Паковать трудно... Чтоб не разбилось...

Мать. Управимся...

Отец. Этот кран долго будет капать? Все мозги продолбило...

Мать. Сегодня опять обещали прийти... Ну что я могу сделать...

Отец. Простой кран починить не могут...

Гриша. Да... развалили страну...

Отец. Ничего... Сейчас одних снимут, других назначат... потом и других снимут... Эх, крепка Россия... Диву даешься... Как живы-то еще...

Мать. Ты, Федя... у себя-то не очень... высказывайся...

Гриша. Сейчас можно...

Нина. А завтра все припомнят, что сегодня было можно...

Отец. Да я спокойный... Что начальником главка недоумка назначили — это я вслух не скажу... Что парторг наш вчера одно болтал, сегодня — совсем другое, а завтра опять сориентируется... похоже — заговариваться начал... этого я им тоже не скажу... И что в отделе у меня... А... *(Махнул рукой.)* Потому как сколько говно в одной бочке не перемешивай... оно им и останется... Просто одно всплывет, другое осядет... А я как честно делал, что мог... так и буду... Пока не уберут...

Мать. И все-таки осторожней...

Отец. Уж как-нибудь... *(Встает.)* Спасибо. *(Идет в свою комнату.)*

Мать. Ты, Филя, дверь свою больше не запирай...

Филипп. Моя комната — чего хочу, то и делаю...

Мать. Тоже мне — секреты...

Филипп. Спасибо. *(Идет к себе в комнату.)*

Нина. Вот не слушаете меня... Начнется у него то же, что и у этой...

Мать. Я уж сама задумываюсь...

Нина. А ее положить нужно... Для ее же пользы... Вот затянете...

Мать. Говорят — нет необходимости...

Нина. Мое дело — сказать... *(Встает.)*

Пойду кобыл своих одевать. *(Уходит.)*

Гриша. Фургон заказала?

Мать. Да. На девятое...

Гриша. Возьму отгулы — помогу тебе...

(Встает.) Спасибо. *(Уходит.)*

Звонок в дверь. Мать бежит открывать.

Витя, слесарь, входит.

Витя. Слесаря вызывали?

Мать. Ой, Витя, хорошо, что ты... Здравствуй...

Витя. Здрасти... Это, вообще, не мой участок... Куда идти?..

Мать. Сюда, сюда...

Мать ведет Виктора на кухню. Проходя через «гостиную», он здоровается с Женей.

Вот течет... и ну хоть что ты... Кто только ни приходил.

Витя. Посмотрим... *(Возится с краном.)*

Мать *(входит в «гостиную», говорит негромко)*. Женечка, ты бы пошла, может, с Витей поговорила... Все-таки — с детства... А уйдет — ты позавтракай... Сейчас — неловко...

Евгения послушно идет на кухню. Уходят на работу Федор Петрович, Гриша, Нина. Убегает в школу Филипп. Мать всех провожает, стоя у дверей. Постепенно квартира пустеет. Мать уходит к себе. Евгения слоняется по кухне, молчит.

Витя. Ну чего...

Евгения. Вот пришла... поговорить...

Витя. Как здоровье?

Евгения. Ну, видишь ли... Врачи говорят — ничего страшного... Но нужно время...

Витя. А оно есть?

Евгения. Что — «есть»?

Витя. Время, говорю, есть?

Евгения *(пожимает плечами)*. Я надеюсь...

Витя. Это хорошо... А у меня нет...

Пауза.

Евгения. Вить, ну ты чего... учиться бросил?..

Витя. Бросил, бросил...

Евгения. А чего?

Витя *(зло)*. Мне на «выпить» не хватает времени... и денег...

Евгения. Я в школе тобой гордилась...

Я была в шестом, ты — в десятом... Я тобой гордилась, что мы из одного дома...

Витя. Спасибо...

Евгения. А как сынишка?..

Витя. Ничего...

Евгения. А супруга?..

Витя. Ничего...

Евгения. А мамино здоровье?

Витя *(бросил с грохотом инструменты в раковину)*. У тебя совесть есть... с утра... мучить?.. А?..

Евгения. Ты что, Вить? Я... прости, если...

Витя. Соль-то на раны, с утра-то...

Мать торопится на кухню.

Евгения. Ты прости...

Мать *(входя)*. Что за грохот такой?

Витя. А такой грохот, что кран этот чинить будете до Страшного суда... И даже после... Уже всех осудят и посадят, а он все будет капать... Потому как нарезка заводская изначально никуда, а прокладки, что я ставлю, — соответственные... *(Собирает инструменты.)*

Мать. Но ведь не капает же...

Витя. Фирма гарантирует несколько часов исправной работы...

Мать. А потом?

Витя. Вызывайте... *(Идет к дверям.)*

Мать. Вот возьми... *(Протягивает рубль.)*

Витя. Спасибо. *(Сует рубль в карман.)*

Евгения *(маме)*. Я провожу... *(Бежит за Виктором к дверям.)* Вить, я правда не хотела...

Витя. Да ладно... чего там... Пока. *(Уходит.)*

Евгения. Пока... Не сердись... *(Закрывает за Виктором дверь.)*

Мать. Вы чего?

Евгения. Да вот... я же не знаю ничего... спросила его о семье, об учебе, а он... видишь...

Мать. Такой парень... не повезло ему... До армии у него Снигирева Татка была... Помнишь?

Евгения. Нет...

Мать. Вернулся... Она уже давно замужем... Потом отец у него умер...

Евгения. Это помню...

Мать. Потом на Светке женился, учиться пошел на заочное... А она... вишь... удалившись в неизвестном направлении... А мать у него — еле-еле... Малыш на руках... Вот как бывает... На одного человека...

Евгения. Может, помочь ему чем?

Мать. Да чем ты ему поможешь?.. Молодая женщина одним помочь может... А такая больная ему зачем?..

Евгения. Но я же не всегда буду... Я же была и другая... Вот академический кончится... Опять будет университет... На квартиру новую переедем... И все пойдет по-новому... Моя комната там хорошая?..

Мать. Да... Хорошая, светлая... Мы с отцом как пришли — вот эта, думаем, для Жени... И Филиппу будет настоящая... А то живет, прости господи, как в кладовке...

Евгения. Я ему предлагала поменяться — не хочет...

Мать. Тебе пока и не надо... Тебе лучше здесь, на виду... Он что-то запирается стал...

Евгения. Да ерунда...

Мать. Ты когда к врачу пойдешь?

Евгения. Скоро где-то...

Мать. Ты ходи к нему... Мне сказали — хороший. С трудом нашли...

Евгения. Не знаю я...

Мать. Ты что? Ты что? Обязательно надо... От одного-двух раз толку не будет... Тут и лекарства важны и внушения...

Он внушает?..

Евгения. Внушает...

Мать. Вот видишь... Женечка, радость моя, хорошая моя... *(Целует Женю.)*

Звонок в дверь. Мать идет открывать. На пороге — Оля.

Оля. Здравствуйте... *(Влетает в комнату).* Жень, быстро, быстро скажи — в каком уже звенит...

Мать. Здравствуй... *(Уходит к себе.)*

Евгения. Ну откуда я, ты сама подумай...

Оля. Говори быстро.

Евгения. В левом... Ты подумай — откуда же мне...

Оля *(огорченная, плюхается на диван).*

Ты всегда... Ты нарочно... Вредная ты, Женька...

Евгения. Ну откуда же мне...

Оля. И зануда... Я ж про Олега загадала... Теперь не знаю: выходить — не выходить...

Евгения. Если любишь...

Оля. В смысле секса он ничего... партнеристый... *(Вдохновенно.)* Ну у нас с ним лажа была вчера... Мы в кафе «Муромец» кружку такую расписную под Палех экспроприировали...

Евгения. Чего сделали?

Оля. Ну в сумочку я себе положила...

Евгения. Зачем?

Оля. Интересно было: поймают — не поймают... А кружка дешевая, но красивая... Надравшись были, сама понимаешь...

Евгения. И чего?

Оля. Кто-то стукнул официантам... Стукачей развелось... Борцы... И понеслась... Чего было... Кружку отдали... По счету заплатили... А те — не отпускают... Милицию вызвали... Засадим, и все... Спасибо полчаса милиция добиралась... Вырвались...

Евгения. Ты что, маленькая?

Оля. Ой, да! Женька, я такая маленькая! Мне все хочется, чего нельзя! *(Хочет.)* В школе — помнишь... Первая женщина восьмых классов! Ты-то все никак?

Евгения. Не надо про это...

Оля. А то смотри — я устрою... Хоть сегодня...

Евгения. Спасибо. Не надо...

Оля. Дура, от этого и все болезни. Природу не обманешь. Я, собственно, чего... Собирайся — поехали...

Евгения. Куда?

Оля. В Суздаль.

Евгения. Я там давно была...

Оля. Вот видишь... Собирайся — и вперед...

Евгения. Далеко ведь...

Оля. Какой далеко... Через десять минут машина будет у подъезда...

Евгения. Чья?

Оля. Сурен и Рафик.

Евгения. Это кто?

Оля. Ну это... Понимаешь... это вообще-то Веркины знакомые... Она с ними где-то... А сама, видишь, чего-то... Не едет...

В общем, неловко подводить... Давай за компанию...

Евгения. Нет, Оля... Я с незнакомыми...

Оля. Ребята — кайф... Одеты... Вежливые... Они там гостиницу заказали... У меня отгулы...

Евгения. Нет, нет, Оля...

Оля. Знала я, что ты пропащая... Дай, думаю, последний раз попытаюсь... *(Встает.)* Буду за вас страдать...

Евгения. Ты не боишься?

Оля. А чего? Все надо испытать. Мне Пашка из мясного сказал: «Таких, как ты, одна на тысячу»... И вырезку подарил... Килограмма на три... Комиссия была... Так я ее в трусах выносила... В целлофане, конечно... И замдиректора смотрит многозначительно...

Евгения. А как же Олег?

Оля. А чего? Я ему все рассказываю... Никаких тайн... Любишь — терпи... Не нравится — катись... Да он парень нормальный... Друг... Поехали?

Евгения. Нет.

Оля. Ну тухни, тухни... Скоро, действительно, совсем... *(Идет к дверям.)* Вчера парень на улице сказал: «Надо же, какие бывают»... С восхищением прямо...

Евгения. Ты там осторожней...

Оля. Оксфордов не кончали, но крепко ученые... Не бойся... *(Уходит.)*

Зазвонил телефон. Мать выходит из своей комнаты, стоит незаметно, прислушивается.

Евгения. Алло! Здравствуй... Я же просила не звонить... И ребятам не надо... Я всех вас люблю... Ну пускай я пока одна... Что там у вас сейчас?.. Прекрасно... Всем привет... Пока... *(Кладет трубку, сидит задумавшись.)*

Мать стоит в коридоре, утирает слезы.

Зарево пожара. Посвист стрел. Тревожный набат. Крики: «Тугары! Тугары!»

Виктор *(скандалит на кухне)*. Не буду я его чинить! Не буду! Провалитесь все! Не буду!

Евгения *(бросилась на кухню)*. Витя... Витя... Ведь это же твой долг.

Виктор. Не ври! Я у тебя не занимал... Я должен Косому... И все!

Евгения. Это твой долг — починить кран.

Виктор. Кран? Да пропади он пропадом. Все краны, унитазы, паровое отопление вместе с вами.

Евгения. Но тебе же платят деньги.

Виктор. Пусть скажут спасибо, что я их беру.

Евгения. Но ты берешь и с жильцов.

Виктор. Пусть скажут спасибо, что и у них беру.

Евгения. Но как это приятно: обслужить людей хорошо — и услышать спасибо... От старушки... От ребенка... От женщины...

Виктор. Обслужить? Я вам не слуга. Слуг у нас нет. А спасибо ваше — подавитесь вы им... *(Кричит.)* Официант!

Возникает Официант.

Бифштекс и пару пива.

Евгения. Вы проголодались?

Виктор. Я всегда голоден.

Официант *(подает бифштекс)*. Пожалуйста. Чтоб ты подавился этим бифштексом.

Виктор *(чуть не подавился)*. Что?

Официант. Думаешь, мне приятно смотреть, как ты ешь. Вас здесь столько за день приходит. Опротивело.

Виктор. Хоть пиво-то открой.

Официант. Сам откроешь — руки не отваялятся.

Виктор. Но твое дело — обслужить.

Официант. Слуг у нас нет. Сам себя обслужишь. Мурло. Еще в ресторан пришел. *(Кричит.)* Швейцары! Больше людей в ресторан не пускать! Никого и никогда! Забаррикадировать все двери! Замуровать все окна! Мешки с песком — вокруг пулеметов! Если кто спросит насчет пообедать — открывайте огонь! *(Исчезает.)*

Виктор. Жизнь становится невыносимой. Женя, давайте уедем к морю.

Евгения. К морю?

Виктор. Да. Поселимся в гостинице.

Евгения. Я только пошлю маме телеграмму. *(Подходит к окошку почты.)* Примите, пожалуйста, телеграмму.

Девушка. Почему это я должна принимать твою телеграмму? Я говорю по те-

лефону с Костей... Не мешай... *(В трубку.)* Костяш! Я слушаю!..

Евгения. Девушка...

Девушка *(в трубку)*. Да отвлекает тут какая-то... Словно у меня личной жизни быть не должно, а только и делать, что ихние телеграммы посылать... «Люблю. Целую...». Сколько телеграф существует — столько и врут о любви своей... А я пересылай, как идиотка... Костяш, вчера здорово нализался? *(Смеется.)* Да... Я так покрепче тебя буду... Бутылку долбанула и хоть бы хны... А Костяшка мой, смотрю...

Евгения. Девушка... Как вы так можете... Это же ваша почта...

Девушка *(изумленно)*. Моя? Она такая же моя, как и твоя... Хочешь — садись и сама посылай свою телеграмму хоть в Австралию...

Евгения. Тогда дайте жалобную книгу.

Девушка *(смеется)*. Хоть две... *(Говорит в трубку.)* Извини, Костяш... Тут ненормальная эта... То телеграмму послать хочет... То жалобу написать... Умора, ей-богу...

Виктор *(Евгении)*. Идем, идем. Я уже снял номер... Пришлось сунуть, но зато с видом на море...

Евгения. Я не предупредила маму...

Виктор. Маме все равно... Я передумал, Женя: я решил, что буду работать хорошо...

Евгения *(радостно)*. Правда?

Виктор. Собственно, почему бы и не поработать. *(Кричит.)* Эх! Ну почему бы не поработать! Опять же, людям радость... Ты мне приносишь радость — я тебе приношу радость. Правда?

Евгения. Вот видите, какой вы молодец. Я тоже рада, что вы сами до всего дошли.

Виктор. Нет, Женечка, это все благодаря вам. Вы чудесная. Вы мне давно нравитесь.

Евгения. Да бог со мной. Главное, что вы начинаете новую жизнь. Светлую, солнечную... Полную трудовых побед... Нет, будут, конечно, и горечи поражений... Но в целом...

Виктор. Я люблю вас, Женя...

Евгения. Не надо... Не надо...

Виктор. Я правда люблю вас... *(Становится на колени.)*

Появляется Дежурная по этажу.

Дежурная. Так. А вы знаете, который час?

Евгения *(растерянно)*. Нет, мы не знаем...

Дежурная *(металлическим голосом)*. Двадцать три часа пятнадцать минут московское время. «Маяк» продолжает свои передачи... А у вас баба в номере. Виктор. Да как вы можете?

Дежурная. Это как вы можете? После двадцати трех!

Виктор. А до — можно?!

Дежурная. И до — надо бы запретить!

Виктор. Что запретить?!

Дежурная. А вот все такое этакое! Что вам, коблам, нравится!

Виктор. Да, я нарушил правила общежития!..

Евгения. Не надо, прошу вас!

Виктор. Но вы нарушили большее! Вы попираете человеческое достоинство!

Дежурная. А иде оно? *(Озирается вокруг.)* Иде? Нету и нету!

Виктор. Вы посягаете на самое святое...

Дежурная. Это вы посягаете...

Виктор. Мои права... Права человека...

Дух Хельсинки... он...

Дежурная. Это какого человека?

Виктор. Вот мои... Это я — человек...

И дух Хельсинки... он...

Дежурная. Вы пьяный человек...

Виктор. Нет! Я просто — человек! И я звучу гордо! *(Декламирует громко и с воодушевлением.)*

«Над седой равниной моря ветер тучи собирает!

Между тучами и морем гордо реет

Буревестник,

Черной молнии подобный!..»

Дежурная *(озверев окончательно)*. Ах ты так?! Ты буяннить? Ну я вам сейчас покажу... Ты у меня зазвучишь гордо! Хулиган! *(Вопит.)* Милиция! Милиция! Держите! Хватайте! Тут эти!.. Которые!.. Жить в гостиницах хотят! Спать друг с другом хотят! Хватайте их! Милиция! Милиция!

Вой сирены. Милицейские свистки.

Виктор. Бежим, Женя!

Они мечутся по огромным коридорам квартиры-гостиницы-учреждения. Мига-

ют сигнальные лампы. Ревут сирены. Слышатся свистки. И вдруг они утыкаются в хвост очереди, сидящей у огромных дверей. И останавливаются. Наступает полная тишина. Величавая Секретарша то появляется, то исчезает.

Секретарша. Ожидающих приема к товарищу Тугаринову должна огорчить. Он задерживается на приеме у товарища Горынычева. Ждите.

Тишина.

Товарищ Горынычев задерживается на пятиминутке у товарища Соловьева-Посвистова. Ждите.

Тишина.

Товарищ Соловьев-Посвистов срочно вызван к товарищу Кащееву. Ждите.

Тишина.

Судебный процесс по делу товарищей Тугаринова, Горынычева, Соловьева-Посвистова и Кащеева продолжается. Ждите.

Тишина.

Вновь назначенные товарищи Аленушкин, Козликов, Иванушкин, Дурачков вводятся в курс дела товарищем Бабаягским-Валуа. Ждите.

Тишина.

Похороны товарища Аленушкина состоятся в ближайший четверг на ближайшем кладбище. Ждите.

И вновь врываются сирены, мигают лампы. Виктор и Женя бросаются бежать по коридорам, а вдогонку им несутся вопли: «В гостиницах жить хотят! Спать друг с другом хотят! В рестораны ходить хотят! Телеграммы посылают хотят! Держи их! Держи!» Евгения потеряла Виктора из виду, кричит: «Виктор! Виктор!» Все заглушает долгий, настойчивый звонок будильника.

— Батяня! Батяня! Подъем! Подъем! Гудок!

— Кто туалет занял?!

— Ах, я не успела губы накрасить!

— Яичницу пережарили!

— Не толкайтесь! Тут вам автобус — не такси!

— Не опоздал на работу?

— Слава богу, нет! Отдыхай, отец!

— К обеденному толкни!

— А что сегодня на обед?

— Мы обязуемся работать так, чтоб... И впредь... И мы...

Аплодисменты.

— Пообедали. Отдыхай, батяня!

— Когда получка-то?

— Уж дают!

— Дают? Спасибо. И премию? Спасибо.

— Да здравствует наша бухгалтерия!

— Скорее, скорее. Уж все по домам, а ты все торчишь...

— Ох, переработать, сынок, это не грех... Это...

— Молчи. Дома уже.

— Телевизор включай. Ужин давай.

— Жуй — смотри. Смотри — жуй.

— Отбой!

— Не храпи!

— Дай сиську-то!

— Не лапай!

— Спим.

Общий храп.

— Батяня! Батяня! Подъем! Подъем! Гудок!

— Кто туалет занял!

— Ах, я не успела губы накрасить!

— Сосиски опять...

— Не толкайтесь в транспорте.

— Не опоздал?

— Отдыхай, отец!

— Наша контора по выпуску... выпуску... обязуется... впредь... чтоб... и чтоб...

— Где работаем-то?

— Хрен его...

— Что делаем-то?

— Хрен его...

— А кому это все?

— Хрен его...

— А получка-то?

— Дают? Спасибо. И премию? Спасибо.

— А говорят, рая на земле нет!

Громыхнул гром. Ливень.

— Смотри какой!

— А как же получка?

— Пущай домой несут!

— За что боролись?!

— Отдайте получку!

— Какой ливень!

— Ах, я не подушилась! «Шанель» номер...

— Отдайте получку!

— Бей их!

— Последний раз!

— Наше учреждение обязуется платить ежедневно... по потребностям... и перевыполнить... и впредь... и чтоб...

— Еще давайте! Еще!

— Вон! Вон! У вас в сейфе лежат!

— И в столе!

— Все отдавайте! Все! Это наше все! Наше!

— Еще! Еще! Хватай! Бери!

— Грузовиками! Грузовиками! Вывози!

Гром. Тишина. За распахнувшимися дверями яркий свет и гул голосов многих людей, словно там огромный зал.

— Гудят...

— Заседают...

— Опять...

— Заседал уж один такой...

Доносятся звуки голоса выступающего. Аплодисменты.

— Они так! Они опять! *(Рвется в проем дверей.)* Я им сейчас скажу! Вы опять?!

— Что ты! Что ты! Нельзя!

— Пустите! *(Ворвался в проем дверей. Яркий свет слепит глаза.)* Эй вы там! Вы! Не трогайте! Не смейте! Мою получку! Не прикасайтесь! Я вас ненавижу! Вы все такие же, как я! Точно! Только вид делаете! Отца на вас нет! Он бы вас! Вы бы у него! Побатальонно!!! Первая шеренга — направо! Остальные — налево! Арш!

Опять звуки голоса. Аплодисменты. Гул.

— Не слушаете! И черт с вами! А мы не хотим! *(Истерика.)* Не желаем! Не будем! Не хотим! Не надо этого! Не хотим! Не будем! Не будем! Не хотим! Нам этого не надо!

— Получку давайте!

— Получку! Получку! Отдайте! Отдайте! Это наше! Это мы! Долой! Отдайте!

— *(Скандируют.)* По-луч-ка! По-луч-ка! По-луч-ка!

Евгения побрела по мрачным синеватого свечения коридорам, похожим на

больничные коридоры ночью. Крики «Получ-ка! Получ-ка!» замерли вдалеке. Евгения завернула за угол и увидела, что один из коридоров превращен в огромный тир, такой длинный и темный, что даже и мишеней не видно. Несколько неясных теней, стоя у барьера, ведут стрельбу в темноту и переговариваются. Рядом работает телевизор, и кажется, что в этом тире он — единственный источник освещения.

— Огонь!

Залл в темноту.

— Господа, меняем мишени! Товарищи, приготовьтесь!

Щелкают затворы.

— Рыбку надо вылавливать... надо...

— По мне: сапоги болотные, ружьишко — и пошел... Амур, Амур... Фьють... Ищи... На зорьке-то... Чудо...

— Нет, нет... Это не то... Вот выловили... пока маленькая... И в аквариум... И охранять... И всем хорошо... И детишки... любят...

— Огонь!

Залл в темноту.

— Товарищи, меняем мишени! Приготовьтесь, господа!

Щелкают затворы.

— Вы помните, вы мне обещали?..

— Да, да, конечно. У меня память хорошая... Но... сейчас помогать дорожке стало...

— Сколько?

Молчание.

— Нет, лучше охоты ничего нет... Идешь себе по местам заповедным — постреливаешь... Хозяин природы...

Дородная молодая женщина вносит самовар, увешанный калачами и булками.

— Пейте чай, гости дорогие... Пейте, пожалуйста... *(Разливает чай.)*

— Огонь!

Залл в темноту.

— Господа, поздравляю! Попадания все точнее, товарищи!

Щелкают затворы. Неясные фигуры у барьера продолжают стрельбу по только им одним видимым мишеням. Евгения попятилась назад и оказалась в еще одном длинном коридоре со множеством дверей в хвосте огромной очереди. Она решила пойти дальше по этому коридору...

— Вы куда без очереди?

— А за чем очередь?

— Это очередь... А вы куда без очереди?

— Да мне не надо в очередь. Мне просто пройти.

— Нет, вы встаньте в очередь. Ишь ты, просто пройти...

— Да зачем же мне? Вы ведь за чем-то стоите?

— Да. Стоим.

— Ну вот. А мне не надо. Мне просто пройти.

— Куда?

— Да просто туда.

— Вот и встаньте в очередь.

— А вы за чем стоите-то?

— Мы вот и стоим: просто туда пройти.

— Куда — «туда»?

— Куда вы — туда и мы.

— Ишь ты какая — думает, раз ей просто пройти, то можно и без очереди. Нет, ты постой-ка с нами.

— Да зачем же стоять — раз просто пройти?

— Вот затем и стоять, что очередь.

Важные люди в восточных одеждах проводят лошадей на водопой. С ними — Мальчик.

Евгения. Филипп! Филипп!

Филипп (удивленно). Касын тык дум уюк терек?

Евгения. Что?

Филипп. Кзыл камын лошадей поить. Актын?

Евгения (растерянно). А-а-а... Ну иди...

Люди вокруг Филиппа (хохочут). Молодец якши! Урус молодец!

Все идут дальше, хохоча.

Филипп (объясняет им, улыбаясь). Урус девка кокмон тагыл... Сестра якши... Давно было... Куюк якши...

Ушли. Тишина. Евгения опять попыталась пройти по коридору и опять наткнулась на очередь.

— Это очередь... Куда очередь?

— Это очередь, чтобы встать в другую очередь.

— А зачем в ту, другую очередь?

— А в той, другой, когда подойдет очередь, скажут, долго ли стоять в этой.

— А может, и не скажут...

— Может, это тайна...

— А может, и сами не знают...

— Да есть ли, кому отвечать?

— А кто его знает.

— Да движется ли очередь-то?..

— А как же иначе... Все время идет поступательное движение...

Дама. Не наступайте мне на ногу...

— Ишь ты какая барыня... Ногу ей отдавили...

Дама. Да, отдавили...

— А ты не стой с нами... Какая важная...

Дама. Хочу и буду... А вы не наступайте...

— Тебе доверили в очереди стоять, а ты недовольна, что на ножку наступили...

Дерьмо неблагодарное...

Дама. Мужик... Хам...

— (Вопль.) Замолчите! Душно! Душно!

Пауза.

— Это очередь? А куда очередь?

— Куда надо, туда и очередь.

— А что дают-то?

— Что надо, то и дают.

Томительная пауза. Кто-то не выдерживает запекает: «Вечерний звон. Вечерний звон. Как много дум наводит он...»

Все (хором).

«О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом...»

Вдруг где-то далеко, в голове очереди возникло какое-то движение. Очередь заволновалась. «Дают! Дают! — понеслось по коридору. — Дверь открыли! Пускать начали!». Все устремились вперед. И Евгения устремилась. Все побежали, и Евгения побежала. И поняла, что рядом бежит ее мать и бормочет: «Что на завтрак? Что на обед? Что на ужин? Что? Что? Доченька, дорогая». И побежала

дальше. Но с другой стороны возник Гриша в спортивном костюме, который просто бежал трусцой, и он сказал на бегу: «Молодец, Женька! Пристраивайся ко мне! Бег — это жизнь! Раз-два! Раз-два!» Евгения пристроилась к нему и побежала трусцой. Они бежали вдвоем по пустым полуосвещенным коридорам, а откуда-то несло: «Дают! Дают! Тугары! Тугары! Пустили! Пустили!» И невидимый хор пел что-то радостное. И мелькали факелы. И слышалось ржание коней. И Гриша вдруг куда-то делся...

*Полузаброшенный пыльный двор. Пред-
рассветный сумрак. Кирпичная стена. Ло-
пухи, крапива. Конвоиры ведут тро-
их. Евгения хотела уйти, но обитая
железом дверь не открывалась...*

Голос. К стене!

Первый. Прощайте, товарищи!

Второй. Воровали, воруем и будем во-
рывать!

Третий. Всех не перестреляете!

Голос. Пли!

*Выстрелы. Трое упали, обливаясь кровью.
Удаляющиеся шаги конвоя. Почти теряя
сознание, Евгения опустилась на землю.*

Первый (приподнимаясь). О черт! Руку
вывихнул...

Третий (отряхиваясь). Грязища у них
тут... А туда же — выметем поганой мет-
лой... Хоть бы какой подметали...

Второй. Закурить не будет?

Первый. Возьми...

Закуривают. Пауза.

Третий. Манеры у них: чуть что — сра-
зу расстреливать... Никак остановиться
не могут...

Второй. Да и мы не можем...

Третий. Что правда, то правда...

Первый. Говорят, сейчас и не расстре-
ливают так...

Второй. А как?..

Первый. В ванной голову под кран —
вроде бы помыться, а из крана — та-
та-та...

Второй. Не... Вроде, говорят, иди по ко-

ридору, будто на допрос, а там луч ка-
кой-то пересекаешь лазерный... и крыш-
ка... автоматика...

Третий. А еще говорят — предлагают
на урановые рудники. Все одно помрешь.
Только чуть позже.

Слышны шаги конвоя.

Второй. Идут, изверги...

Третий. Надоела такая жизнь, сил нет...

Первый. Чинарики не бросайте...

Голос. Встать! К стене!

Первый. Прощайте, братцы!

Второй. Да здравствует все наворован-
ное нами!

Третий. Всех не перестреляете!

Голос. Пли!

*Выстрелы. Трое упали. Удаляющиеся ша-
ги конвоя. Тишина. Потом слышен храп.*

Первый (приподнимаясь). Чинарики,
чинарики не выбросили?.. Спички есть...

Храп усиливается.

Эй, вы чего? (Толкает Второго.)

Третий (вылезая из-под Второго). Мало
что храпит, так придавил еще...

Второй (встряхиваясь). Это я на нервной
почве... От расстройства... Жизнь кругом...

А мы тут...

Первый. А мы чего — мы неплохо по-
жили...

Второй. Какая икра, какой балычок...

Третий. А какие доллары...

Первый. А какие женщины...

Второй. Ребята, не надо...

Первый. А какие связи...

Третий. Может, кому и на руку, что
нас к ногтю...

Первый (усмехаясь). «Кому...». И уж
другой на «Волге» к ресторану...

Второй (кричит). Не надо!.. Не могу!..

Вертухай! Менты поганые! А я живой!

Вот он я! Тут я!.. Петь буду! Гулять!

Первый. Не место вроде бы...

Второй. Нам теперь везде место...

(Запевает.)

У всех у нас пороки,

Мы все имели сроки,

Но нас не испугает

Собачья Колыма!

Все (хором).

Эх, хвост-чешуя!

Не поймал я ничего!

Шаги конвоя. Трое продолжают петь. Второй приплясывает.

Г о л о с. Отставить! К стене!

Трое не останавливаются.

Второй (*отплясывает*). Отдыхай, начальник! Не видишь — народ гуляет! (*Поет.*)

Но вот однажды к нам прислали
очень честного
Чекиста верного и зоркостью
известного!..

Все (*хором*).

Эх, хвост-чешуя!

Не поймал я ничего!

Г о л о с. Пли!

Выстрелы.

Трое (*пляшут изо всех сил и орут*).

Держи, держи вора!

Поймать его пора!

Но всем известно,

Что не пойманный — не вор!

Второй. Стреляй, начальник! Мы не гордые!..

Г о л о с. Пли!

Трое (*орут*).

Эх, хвост-чешуя!

Не поймал я ничего!

Выстрелы, пляска, песня — все сливается в нечто единое и начинает таять...

— Гражданка! Вы как тут оказались? Тут нельзя. Не место.

Некто со смазанным лицом взял Евгению за руку и повел по коридорам. За каждой дверью по кабинетам сидели люди. Они: писали бумаги, скрепляли их скрепками, прокалывали дыроколами, ставили печати, засовывали бумаги в папки, ходили из кабинета в кабинет, ставили подписи, обменивались многозначительными взглядами... За всем чувствовалась Великая Тайна, Недосягаемая для Непосвященных.

— Сюда, пожалуйста!

И Евгения снова оказалась в коридоре сидящей на стуле перед дверями, в конце какой-то очереди. Наступила полная тишина. Где-то в другом конце коридора приоткрылась дверь, кто-то выглянул, ухмыльнулся. Послышалось хихиканье и

шепот: «Сидят!» Дверь захлопнулась. Тишина. Молчание. Полумрак.

Один из сидящих. Да что же это такое? Который час?

Молчание.

Который час, товарищи?

Другой. Мои остановились в конце... давно, в общем...

Бабка (*вяжет чулок*). И-и-и... милай... Молодой ты, резвый... час ему... Вязать учись... Вот время... и того...

Один (*тревожно*). Да что-то уж давно сидим... давно уж что-то...

Старик (*пьет кефир*). Люди у нас добрые... Ко мне прямо сюда пришли... пенсию назначили.. Значок вручили... «Почетный сиделец». Чтоб не отлучался я, значит... А то вдруг дверь откроют...

Один. Нет... нет... Так нельзя... У меня важное дело... Срочное...

Женщина. Да-да... Ей-богу... Я так волнуюсь... Я ведь ничего не знаю... Поступил ли сын в институт?.. Может, женился уже... Как там дочка...

Другой. Да-а-а... От Большой земли мы крепко оторваны...

Женщина. А пришла-то всего на полчаса... Фабрика у нас... Предложение одно...

Бабка (*вяжет чулок*). Молодежь... Вязать учись...

Старик (*пьет кефир, вспоминает*). Я еще комсомольцем сел, тут и в партию приняли... Сюда, значит, и пенсию принесли...

Где-то в глубине коридора опять приоткрылась дверь. Мелькнули какие-то тени. Зашептали: «Сидят! Сидят!» Засмеялись.

Один (*бросился по коридору*). Эй, кто там? Кто?

Дверь захлопнулась. Тишина.

Женщина. Там кто-то есть, кто-то есть... Они всегда выглядывают.

Старик. Не отходите далеко, молодой человек... Вдруг дверь откроют...

Один (*возвращается*). Я не могу... Я не могу... У меня срочное... Мать-старуха... Сестра... (*Подходит к двери, проводит рукой.*) Паутина... Тут паутина...

Бабка (*вяжет*). Убирают плохо... Раз-

баловался народ... В мой-то годы...

Один (взволнован). Товарищи, тут паутина... Старая паутина...

Старик (задумчиво). Пауки — они на то и есть, чтобы плести, значит...

Один. Да входил ли кто сюда последнее время? Может, не туда мы.

Бабка (вяжет). Туда, милай, туда... Народ — он знает, куда сидеть...

Старик (вспоминает). Входил ли? Входил. Помню, толстый такой... Сердитый — страсть... Всех, говорит, распушу... Со всеми этими безобразиями, говорит, покончу... Очень волновался...

Один. Давно это было?

Старик. Дай бог памяти... Молодой я ишо был. Кефира не пил, значит...

Один. Зашел и что?

Старик. Что? Дверь прикрыли за ним. Сидим. Ждем.

Один. Так нельзя, так нельзя... Может, не туда... Время идет... (Пытается прочесть надпись на доске рядом с дверью.) «Минис...».

Старик. Министерство... Я же говорил...

Один. Нет ли спичек у кого?.. Темно тут...

Другой. Возьми...

Бабка (вяжет). Свеча под стулом... Довоенная ишо... От бабки моей...

Один (зажигает свечу). «Минис... во... цен...». Все равно не разобрать... Все стерлось... Может, постучать?..

Старик. Постучал один такой...

Бабка (вяжет). Счас откроют тебе... жди...

Женщина (взволнованно). Конечно-конечно, стучите... Вдруг...

Другой. Стучи, пожалуй...

Один постучал в дверь. Тишина. Постучал сильнее. В глубине коридора приоткрылась дверь, захлопнулась.

Женщина. Там опять кто-то выглянул... Стучите...

Один стучит сильнее.

Другой. Дай-ка я...

Они оба колотят в дверь. Вдруг — звук поворота ключа. Все замерли.

Женщина. Ой! Открывают!

Все заволновались.

Один. Готовьтесь, товарищи!

Старик (взволнованно). А с чем же я сидел-то? Что у меня? Дело-то какое? Бабка, не помнишь?

Бабка. Свое бы вспомнить... Про вязание, что ли?

За дверью грохот многих снимаемых засовов, звон цепочек, щелканье замков и щеколд. Наконец со страшным скрипом дверь чуть-чуть приоткрылась. В проеме показался некто Одутловатый, нечесаный. Испуган. Глаза бегают. Жует огурец.

Один. Простите... Здесь Министерство ценных мыслей?

Одутловатый (откусил огурец, хриплым голосом). Нет, здесь баня! (Исчез.)

Дверь захлопнулась.

Женщина. Товарищи! Нас обманывают!

Другой. Что-то не то...

Старик (воинственно). Баня?! Так с шайками бы проходили!

Один. Будем стучать, пока не скажут, что и к чему...

Гул одобрения. Один и другой колотят в дверь. Наконец дверь опять со скрипом приоткрывается. В проеме — рыжая девица в белом халате.

Девица (зло). Ну чего вам?

Один. Простите... Мы хотели уточнить... Ведь здесь Министерство ценных мыслей?

Девица (зло). Здесь лаборатория по выделке шкур...

Все. Каких, каких шкур?

Девица (зло). Не ваше дело... Проваливайте... (Захлопнула дверь.)

Гул возмущения.

Женщина. Товарищи! Нас предали!

Другой. Это что ж такое — сидели, сидели...

Бабка. Хвост у ей, ей-богу, не сойти с места, хвост у ей!

Старик. За что сидели?! Чтоб тут всякие... Ломай дверь!

Все. Ломай! Ломай!

Один. Ну-ка, дружно! И — раз! И — два!

Пытаются выломать дверь. В конце коридора опять кто-то мелькнул в дверях. Наконец эта дверь поддалась. Все с воплем влетают и видят огромную комнату-свалку: мусорные баки, всякий хлам, отходы... Мелькнул белый халат.

— Вот! Вот она! Держи!

Все бросились догонять. Мечутся за огромными мусорными баками. Схватили было Девицу.

— Поймали!

— Отвечай!

Мелькнул в воздухе белый халат, а Девуца, абсолютно голая, захохотала и исчезла в какой-то щели.

— Оборотни! Ей-богу! Оборотни!

— Всю жизнь сидел, а такого не видел!

Одутловатый с портфелем в руках выглянул из-за бака.

— Товарищи! Главный здесь!

— Держи! Хватай!

Все бегут за Одутловатым.

— Гражданин! Стойте! Это вы про баню?..

— Здесь министерство?..

— Не уйдешь, гад!

Вот уж схватили его, держат.

Одутловатый (извивается и кричит радостно). А я не тот! А я не тот! А я не тот!

Замелькали в воздухе пиджак, рубашка, брюки. Как-то в одно мгновение Одутловатый выскользнул из своей одежды и голый шмыгнул в коридор. Все бросились за ним. Бегут. Везде пусто. Остановились. Держат в руках его одежду. Переглядываются.

Один (тоскливо). Кто они? Кто они?

Другой. Поймать бы гада!

Женщина (плачет). Сынок мой... Может, внуки есть...

Старик (растерянно). Пенсию приносили...

Звонок. Коридоры наполняются гулом. Работа окончена. Из всех дверей хлынули сотрудники.

— Вот он! Вот он!

— Идет! Идет!

По коридору важно шествует Человек, очень похожий на Одутловатого, в трусах, в шляпе и с портфелем.

Один. Простите...

Человек. Что?

Один. Вот не вы сейчас... вот там... про баню...

Человек. Нет. Не я. (Идет.)

Другой. Пиджачок вот ваш...

Человек. Не мой.

Женщина. Туфли...

Человек. Не мои.

Один. А может...

Человек (возмущенно). Не мешайте, граждане, после трудового дня... Совесть надо иметь... (Медленно и важно уходит, покачивая портфелем.)

Все смотрят вслед.

Женщина. Он! Он!

Бабка. А вроде как и не он...

Старик. Тот вроде другой был.

Один (тоскливо). Кто они? Кто же они?

Другой. Поймать бы гада!

Звон колоколов, крики: «Тугары! Тугары! Спасайтесь, люди добрые!» Сотрудники разбегаются по домам. Пламя и дым охватывают все...

Радио. «Пламя и дым охватили все...». «Кто они? Кто они?» — вопрошал Владимир. Но никто не ответил ему. Привычное безмолвие воцарилось вокруг...» (Пауза.) Ну как?

Евгения (с трудом). Спасибо... (Закрывает лицо руками). О, господи...

Филипп. Что? Плохо?

Евгения. Нет-нет... Ну как дела... вообще?..

Филипп. Что такое — «Сон разума рождает чудовищ»?

Евгения. Тебе... зачем?

Филипп. Ну... Картина такая... Человек спит, положив голову на стол, и вокруг гады всякие, чудовища.

Евгения. Гойя?

Филипп. Да...

Евгения. И что непонятно?

Филипп. Непонятно: то ли человек спит и поэтому они все появились, то ли спит какой-то всеобщий разум, который за картиной... его сон их всех породил, а они теперь усыпили и этого последнего человека...

Евгения. Сам додумался?

Филипп. Сам.

Евгения. Все верно: и то и другое...

Филипп. А тебе какие сны снятся?

Евгения. Не спрашивай, пожалуйста.

Филипп. Почему?

Евгения. Пожалуйста...

Пауза.

А ты, оказывается...

Филипп. Общаемся редко... Так что было в начале?..

Евгения. «В начале было слово...».

Филипп. Это я знаю. Но какое? Женя, а все-таки — с чего они тебе начали сниться? (Пауза.) Ну ладно, ладно...

Мать (проходит). Это что... Ну-ка, полуночники... Марш, марш, по местам... Вот взяли манеру... (Уходит.)

Филипп (вздыхнул). Спокойной ночи, Женя... (Уходит.)

Евгения. Спокойной ночи... (Осталась одна). Может, совсем не спать? И их не будет? Или будут? (Бормочет.) Я спокойна. Я спокойна. Всемирный океан качает меня на своей груди... (Сидит на диване с открытыми глазами.)

Яркий, солнечный, праздничный день. На улице играет духовой оркестр. Слышен веселый шум толпы.

Мать. Праздничный обед! Праздничный обед! А ну-ка! Ну-ка! Всем обедам обед! На кухню! На кухню!

Отец (идет, напевает).

«Нам ли стоять на месте...

В своих дерзаниях всегда
мы правы...»

Нина (поправляет прическу у зеркала, напевает).

«А ты такой холодный,
Как айсберг в океане...»

Гриша (на кухне, напевает.)

«Ты не радуйся, змея...
Скоро выпишут меня...»

Мать. Женя! Женя! Иди скорее! Филипп! Где ты?

Евгения идет на кухню. Прибегает и Филипп.

Отец. Что мы, мать, на кухне-то? Праздник ведь.

Мать. Умаялась. Все с переездом. То... се... Да здесь ничего...

Гриша. Ничего-ничего... Нормально... Последний праздник на старой квартире.

Мать. Где мы жили в мире.

Отец (смеется). Ого! Прямо — стихи...

Гриша. Хороший салат.

Нина. Превосходный салат.

Мать. Я готовила его от души.

Едят.

Отец. Какой наваристый суп.

Гриша. Мясa много. Это хорошо.

Мать. Евгения, тебе добавить супа?

Евгения молчит. Все едят.

Евгения...

Звонок в дверь.

Отец. Кого несет нелегкая...

Мать. Я открою...

Евгения (поспешно). Я сама... Я открою... (Идет.)

Под окнами проходит духовой оркестр.

Отец. Эк они нажаривают.

Мать. Праздник... Настоящий праздник...

Ешь, ешь, Филипп...

Евгения открывает дверь.

Оля (входит). Привет...

Евгения. Привет... Проходи...

На Оле модная легкая куртка, в руках — сумка.

Оля. Икру любишь? Зернистую...

Евгения. Да...

Оля. Держи... (Достает банку.)

Евгения. Ой, спасибо.

Оля. Забота о людях... Бери еще... (Достает еще банку.) Крабов любишь?

Евгения. Вообще-то...

Оля (достает банку). Питайся...

Евгения. Оль... Это откуда же... (Рассматривает.) Все на экспорт.

Оля. Из валютного... Жан купил...

Евгения. Кто?

Оля (вздыхает). Тяжело с тобой... Француз знакомый... Замуж предлагает... Дервня...

Евгения. Оля... ну я не знаю... ну ты... совсем уже, что ль... на этом деле... Какой француз? Зачем тебе француз?

Оля. Вот я и решаю: что лучше — француз или Олег... У Жана свое дело и филиал в Аргентине... у Олега — рваные джинсы и масса планов... Прямо не знаю, чего выбрать...

Евгения. Куртку тоже он подарил?

Оля (нехотя). Нет... Это те...

Евгения. Кто те?

Оля. Ну, помнишь — Новгород...

Евгения. Ты говорила — Суздаль...

Оля. Или Суздаль... Не помню — мы из гостиницы не вылезали. Два дня — как единый миг... Там написано: «Я люблю человечество». По-английски... (Поворачивается к Евгении спиной.)

Евгения. "I love mankind"... Я люблю людей... Или — я люблю мужчин... Можно и так прочесть...

Оля. Да? То-то они ржали, когда я наде- ла... Пьяная была — плохо помню...

И Жан улыбался — я не поняла... (Помолчала. Передергивает плечами.) С этим понятно... (Снимает куртку, прячет в сумку.) Жан сказал: «Мне все равно, что у те- бя было, решай, и поедем...»

Евгения. И чего ты там делать будешь?

Оля. Жить... А чего я здесь делаю? Стою за прилавком, вешаю конфеты... То меня пошлют, то я пошлю... Скучища... И зарплата фантастическая...

Евгения. Как это?

Оля. Ну на сто рублей разве можно прожить?... Это же — фантастика. А там... Я уеду — сначала покатаюсь по миру... Посмотрю — чего где... Потом язык подучу — буду ему помогать...

Евгения. Да он же тебя обманет... За- чем ты ему? Ну подумай...

Оля. Нет. Он добрый такой... А бросит — ну и что... Здесь: так все что было — при мне останется... А там: обязан будет при разводе деньги выделить... Я все продумала...

Евгения. Вы когда с ним познакомились?

Оля. Позавчера... А что?

Евгения. А как же Олег?..

Оля. Я с ним уже советовалась... Мол- чит... Говорит — как тебе лучше... Ой, у него такие картины здоровские... Я плохо понимаю... Но здорово... Он, может, тоже будет богатым... Но это когда еще... Пьет много в последнее время... А я сама пью... Мне нужен тот, кто меня останав- ливать будет... И вообще — пора в высший свет выходить... На свою орбиту... Ну по- волоклась я...

Евгения. Оля, не сердись... Ты забери это...

Оля. Молчи, дохлятина... Ешь и вспоми-

най тетю Олю... (Идет к дверям.) Главное, понимаешь, встречаться негде... В гости- ницу — не хочется там мелькать... Заметут... Домой... Мамашу погулять и то не выпроводишь... Ой, а ты на Пасху идешь куда-нибудь?..

Евгения. Нет... Это же поздно... Куда я...

Оля. Жан меня в Елоховскую пригла- сил... Среди дипкорпуса... «Гетры серые носила, шоколад Миньон жрала...» Это Блок про меня написал... Женя, я еще попозже загляну, расскажешь, что такое Пасха и почему церковь Елоховская... А то неловко... Пока.

Евгения. Пока... (Закрывает за Олей дверь.)

На кухне.

Отец. Жареные мозги — прекрасная еда.

Гриша. Компот превосходный.

Мать. Я готовила его от души...

Гриша. Ну что, батя, по рюмашечке?

Отец. Ни-ни... Среди дня... нет...

Гриша. Одному, что ли?

Нина. Ты когда в рейс?

Гриша. Через два дня...

Нина. Вот и нечего... Завтра у нас еще...

Мать. Десять лет как-никак...

Гриша. Как единый миг...

Отец. Все, мать... Спасибо...

Все встают.

Мать. Где Женя-то?... (Зовет.) Женя! Женя!

Евгения идет на кухню.

Евгения. Я здесь. Оля приходила.

Мать. Садись ешь... Холодное все... (На- кладывает еду на тарелку.)

Евгения. Спасибо...

Все расходятся. На кухне — одна Евгения. Сидит, смотрит на стол.

Наступил вечер.

Мать (входит). Господи, что ж ты не по- ела ничего?

Евгения. Не хочется... Извини...

Мать (целует ее). Доченька моя... (Уби- рает со стола.)

Евгения. Где наши?

Мать. Гриша с Ниной к Парфеновым

поехали... Мы с отцом вот в кино успели
сходить... Две серии...

Евгения. О чем?

Мать. Да ерунда какая-то... Как вы-
шли — сразу забыла...

За окнами все озаряется.

Салют... (Кричит.) Филипп! Салют!

На улице — крики, сопровождающие каж-
дый залп.

Пойду из нашего окна посмотрю... на-
последок... (Уходит к себе.)

Евгения стоит у окна. Из соседнего парка
доносятся музыка и шум.

Замигали разноцветные лампочки. Фейер-
верки захлопали. Конфетти. Хлопушки.
Играет музыка. Множество людей в весе-
лых масках и разноцветных костюмах бе-
гают хороводами, прыгают, играют в «за-
нимательные игры»... Хохот. Крики.

В хоровод к нам становись!

Крепко за руки берись!

Побежали мы по кругу!

Выбирай себе подругу!

Хохот. Крики. Все разбиваются на пары.

Жених и невеста! Тили-тили-тесто!

Как не стыдно, как не стыдно...

Как целуетесь — нам видно...

Хохот. Пары танцуют. На женщинах появ-
ляются белые платья. На мужчинах —
темные костюмы. Тишина.

Доносится бас (издалека). Ныне и
присно и во веки веков... Нарекаетесь...
Близкий женский голос. От имени
и по поручению... учитывая и надеясь... ду-
мая и не думая... мечтая и не мечтая... воз-
лагая... а также... и те же... и мы с ними...
и вы с нами... Поздравляю вас! От души!

Играют свадебный марш Мендельсона.

Далекий бас. Алиллуйя! Алиллуйя!
Алиллуйя! Нарекается Сарра Исааку...
Плодитесь... Размножайтесь... Во имя...
Во благо...

Крики. Шампанского! Шампанского!
Хлопают пробки. Льется в бокалы шам-
панское. Все чокаются. Звон бокалов.

— Счастья! Успехов!

— В труде и в личной жизни!

— Детишек, детишек побольше!

Общий смех. Веселая музыка. Дым от
фейерверков. Туман от болот. Все сме-
шивается.

Пара помоложе.

— Я так люблю тебя. А ты?

— Очень. Очень.

— Ты меня не бросишь?

— Нет. Нет.

Крики. Горько! Горько!

Целуются.

Пара постарше.

— Я и мечтать не могла... На старости
лет...

— Какая старость. Мы еще... ого-го!

— Я теперь не одна, да?..

Крики. Горько! Горько!

Один из гостей. Водочки бы. На ши-
пучке-то далеко не уедешь.

Другой. А как же без нее! Опля!
Подставляй!

Один (подставляя стакан). Припас?

Другой. Ящичек достал. (Кричит.) За
здоровье молодых!

Все. Ура!.. Горько!.. Горько!

Совсем юная пара целуется.

Она. От тебя так водкой...

Он. Сама выпей... Чувствовать не будешь.

Она. Я ее не люблю.

Он. Пей. (Вливает ей в рот водку.) При-
выкай, старуха!

Долгий поцелуй. Оркестр играет неразбор-
чиво. Все затянуло туманом.

Один из гостей. Налей еще...

Другой. Нету.

Один. Врешь?

Другой. Ей-бо.

Один (указывает). А ему наливал?

Третий (подходя). Ребята, первым-вто-
рым будешь?

Один. А ты кто?

Третий. Я — третий.

Один (другому). Ты ему наливал?

Третий. Портвейн «Амагельды». Произ-
водство пос. Бузулык. Португалия.

Один. Наливал?! Последний раз спра-
шиваю!

Другой. Нету! Нету у меня!

Один. А это что? *(Лезет к другому за пазуху.)*

Другой. Не лапай! Не твое!

Один. Обманул, падла!

Драка.

Третий *(пытается разнять их)*. Португалия! Портвейн «Амагельды»!

Драка разрастается, вовлекая новых участников. Милицейские свистки. Женские крики. Тишина. Туман. Ночь.

Совсем юная пара.

— Дверь закрыла?.. Ложись.

— Ой, меня сейчас... Ой...

— Да сними ты рубашку...

— Ой, вывернет сейчас...

— Иди ко мне...

— Ой не могу... *(Бежит из комнаты.)*

Пара помоложе.

— Слышь! Слышь! Ваня! Ты любишь меня? Ваня!

— Свистать всех наверх!..

— Что? Вань. Я говорю...

— Лежи тихо... Я сейчас...

— Вань! Может, потом... Совсем ты...

— Молчи, когда хозяин желает...

Пара постарше.

— Эх, молодежь, молодежь! Разве ж можно так...

— Да. Я и мечтать не могла.

— Все в меру надо. А они...

— Да. Я и мечтать не могла.

— Одну, другую... Но больше-то куда? Да?

— Да. Я и мечтать не могла.

Какая-то изморось. Луна светит. Пустырь. Туман. Группа подростков в большой одежде.

Мальчик. А мой... конь мой... скачет... аж до... тарелка с супом... уздечкой помахивает... кирпичами кидать... *(Хохочет.)*

Девочка. Очень красивая такая будто папа, будто папа, будто папа с мамой, с мамой глаза красивые все будут влюбляться их я ножом будут влюбляться... нет лучше нет лучше нет лучше... бантик лужей красивая. Хочу, хочу, хочу... Буду! Буду! Буду! Хочу! Хочу! Хочу!

Мальчик. Всех... всех... дайте, дайте автомат! Всех... всех... помогу всем... Сейчас... И та-та-та! Всем помогу, всем помогу!

Женщина постарше и женщина помоложе возникают из тумана.

Постарше *(обнимает мальчика, плачет)*. Милый, милый, сыночек...

Мальчик. Ты кто?

Постарше. Я мама твоя. Мама.

Мальчик. Конь скачет... Нет... моя мама другая... умная да глупая... стекло загорелось...

Помоложе *(обнимает девочку, гладит по голове)*. Красавица моя...

Девочка *(оживляясь)*. Да... красивая будто папа... скажи, чтобы не отнимали у меня... а то прибегает злой в белом и дает вместо зеркала тыкву... А она смеется... Красивая... *(Бормочет, засыпая)*. Хочу, хочу, хочу...

Мальчик *(бормочет, засыпая)*. Всех... всех... всем помогу...

Трое мужиков *(на пустыре, запевают)*.

Водка, водка, мать родная,

Водка, русская река!..

Не видала ты подарка

От донского казака!

Женщины стоят на коленях возле спящих детей.

Постарше. За что, господи?! Несчастье такое — за что, господи?! Как жить? Как жить-то?!

Помоложе. Говорила я коблу своему: не лезь на меня с пьяной рожей. Так он до ребеночка от счастья пил, а теперь, говорит, с горя пью! Чтоб тебе околеть, сволочь! *(Плачет.)*

Женщины *(причитают)*. Чтоб вам околеть, проклятым! Как земля вас носит! Губители! Губители! Губители!

Евгения *(кричит во сне)*. Губители! Губители! Несчастье! Несчастье какое! Помогите! Помогите!

Все вбегают в комнату, зажигают свет.

Мать *(бросается к Жене)*. Женя, Женечка, доченька! Что ты?

Евгения. Помогите... *(Открывает глаза)*.

Мать. Что ты, доченька, что? Приснилось чего? *(Машет на нее полотенцем.)*

Мать около Жени. Отец, Гриша, Нина, Филипп — в дверях. Долгая пауза.

Евгения *(встает)*. Извините... Я... дей-

ствительно — приснилось... Я задремала...
Извините...

Мать. Уф! Господи боже... Я решила, что... А то ведь праздник у нас, дата... Отмечаем... А ты даже...

Евгения. Что?

Мать. У Гриши с Ниной — десять лет свадьбы. Сидим отмечаем. Дядя Петя с тетей Клавой пришли. Ну он, правда, уже... маленько...

Гриша (смеется). В отключке.

Евгения. Простите. Я забыла. Я поздравляю вас. Я вам желаю. (Вдруг в испуге смотрит на Гришу.)

Мать. Что? Что? Ты что?

Гриша. Чего, сестренка?

Евгения. У тебя в руке... что?

Гриша (поднимает руку). Что? Рюмка... Что... С водкой... Что... Не видала никогда? (Решительно подходит к Жене.) Держи... (Всовывает ей рюмку в руку) Ну пей... За наше здоровье...

Евгению всю трясет, она испуганно озирается.

Евгения. Может быть... я уеду куда-нибудь...

Пауза.

Нина. Говорила я. Не слушаете.

Мать. Да выпей, доченька. Это же капелюшечка. Для расслабления.

Евгения (трясется в ознобе). На Эльбрус, например... Я в горах никогда не была...

Там — «Приют одиннадцати»... Вот, говорят... Или — Памир... Страна Шамбала...

Гриша (орет). Пей!!!

От неожиданности Евгения залпом выпивает водку. Пауза.

(Улыбается). Ну вот... И хорошо... Не сердись... (Берет рюмку из рук Евгении.)

Евгения (словно опомнившись). Спасибо... Я поздравляю вас... Ну конечно, это я вас поздравляю... Все очень ясно и хорошо... А то я всегда... (Улыбнулась.)

И все заулыбались.

Мать (радостно). Вот и хорошо... Вот и хорошо...

Гриша. Зарядка. Бег. Здоровый образ жизни — и все пройдет без следа.

Нина. Твоими бы устами...

Мать. Ты спи, доченька, спи... Разденься только...

Евгения (улыбается). Я сейчас... Спасибо... Спасибо...

Все уходят в другую комнату. Дверь закрылась. Евгения садится на диван, тупо смотрит в одну точку. Ее всю трясет. В дверь просунулся Филипп.

Филипп. Ну ты как?

Евгения. Зайди сюда.

Филипп (подходит к Жене). Чего? Холодно?

Евгения (стучит зубами). Жарко.

Филипп. Чего тогда трясешься?

Евгения. Филипп... Ты не бойся только... Ты скажи — там (указывает) кто?..

Филипп. Наши все... кто...

Евгения. Ты уверен, что они — это они... а не какие-то другие?.. Вот сейчас заходили ко мне...

Филипп. Ой, Женька... Мне страшно чего-то... Ты что?

Евгения. Ты не бойся. Ты скажи — это они?

Филипп. Они. Кто же еще?

Евгения. Или... А они сами — далеко-далеко.

Филипп. Женя, мне страшно... Я сейчас убегу...

Евгения. Филипп, милый... Никогда меня не бойся... Я сама скорее умру, а тебя не обижу... (Обнимает его.) Я тебя очень люблю, Филипп. Иди...

Филипп (подошел к двери, топчется на месте). Жень... Ты, может, пошла бы к врачу... Вот тебе же нашли какого-то...

Евгения. Я пойду... Завтра же... Иди...

Филипп открыл дверь в другую комнату. Шум застолья. Закрыл дверь, смотрит на Евгению.

Иди... Ты чего?

Филипп. Я боюсь...

Евгения. Чего?

Филипп. А вдруг это вправду не они?

Евгения (устало). Наверное, они... Иди...

Филипп. Я теперь буду смотреть на них и думать всякое...

Евгения. Иди...
Филипп уходит. Евгения сидит на диване, поджав колени к подбородку. Тихонько раскачивается. Ее по-прежнему трясет.

Прошло еще какое-то время. Родственники ходили на кухню, в ванную, просто заглядывали в дверь. Евгения все так же сидит на диване. Звонок в дверь. Евгения идет открывать. На пороге — Виктор. В руках у него множество каких-то трубок и железок.

Добрый вечер...

Витя. Вот... конечно, они там... но и мы тут... мы можем... Верно?

Евгения. Вить, ты о чем?

Витя. Веди меня... на кухню... Указывай путь...

Евгения. Я не пойму... ты же чинил уже...

Витя. Я чинил на время... А сейчас буду... на века... Видишь... финские и венгерские...

Евгения. Витя... ты выпил, что ли?

Витя. Ни грамма... Да и где достать? Ночью — дорого... Мы не пьем больше... а чиним на века... Водопровод... который рабами Рима... работает?..

Евгения. Кажется...

Витя. Мы чинили... С Егорычем...

Евгения *(наконец поняла, что он мертвецки пьян)*. Витенька, час поздний... иди спать, а уж завтра...

Витя. Никаких завтра... ты не понимаешь... поступь времени... только сегодня... немедленно...

Евгения. Наши уже спят...

Витя. Петечка мой спит... маленький... я его поцеловал... *(Заплакал.)* Ему жить... а он такой маленький... а ему жить...

Евгения. Ну, Витюша... Что же плакать... У тебя сынок... Это хорошо...

Витя *(плачет)*. Мне его жалко... Я поцеловал его... и так жалко... Вдруг с ним чего... Женька, а вдруг чего? А у меня мать умирает...

Евгения. Откуда ты взял... ну что за фантазии...

Витя *(плачет)*. Она завещание составила... я видел... и нет у нее ничего... а чего есть, она все нам с Петькой завещала... Машинка Зингер сломанная... от сервиза китайского что осталось... и еще чего-то... и портсигар отцовский серебряный... а она не знает, что я его пропил давно... все нам завещала... будьте моей женой...

Евгения. Что?

Витя. Будьте моей женой...

Евгения. Витя... ну как ты сразу... давай завтра поговорим. Ладно?

Витя. Будьте моей женой... Иначе я тоже умру. А Петечке нужна мама... Такая, как ты, хорошая... И вы вдвоем с Петечкой будете к нам с мамой на могилку приходить. И ты его вырастишь на века...

Евгения. Я завтра тебе отвечу, завтра...

Витя. Это — отказ. Я знаю... Ну да ничего... Мы тоже можем. Я пришел чинить на века... Где кран?.. *(Мечется по квартире.)* Где кран?

Евгения. Куда ты? Куда? Это не здесь!

Витя вламывается в комнату, где отмечается дата, пораженный, останавливается на пороге.

Голос матери. Вить, ты чего?..

Пауза.

Витя. Дайте выпить...

Евгения. Не давайте, не давайте, ему нельзя...

Витя рванулся в комнату, схватил со стола бутылку и начал пить, захлебываясь, прямо из горлышка.

Голос Гриши. Ну козел наглый...

Голос Нины. Уберите его...

Голос отца. Вон отсюда...

Гриша и Федор Петрович хватают Витю и тащат его к входным дверям. Тот яростно сопротивляется, не выпуская из рук краны и бутылку.

Евгения. Осторожнее.. Пожалуйста... Он пьяный...

Витя *(яростно упираясь)*. Не имеете права... Я такой же человек... У меня Петечка... Я пришел кран делать на века... А вы... Эх вы... Ретрограды... А мы можем... не хуже... чем они там...

Отец и Гриша выволакивают Витю на лестничную площадку. Грохот железа, крики.

Отец. Появись еще в таком виде! Скотина!

Евгения *(в дверях)*. Ой... да он же... Вы же его...

Отец *(захлопывает дверь)*. И не пускай больше. Нашла кого пожалеть.

Мать. Ложись спать, Женя, раздевайся... И к двери не подходи...

Уходят к себе. Евгения посидела немного на диване, осторожно подходит к входным дверям, открывает, выглядывает.

Евгения (громким шепотом). Вить... Ты не поранился? Нет?.. Ну, хорошо... Иди, иди домой... Вставай... Вот молодец... Вот умница... Тебя дома ждут... Иди... (Закрывает дверь, опять садится на диван.) Хоть бы утро скорее... Господи... (Ее знобит.)

Квартира Кирилла. Множество книг. Картины по стенам. Письменный стол. Кирилл лежит одетый на тахте с закрытыми глазами. Звонок в дверь.

Кирилл. О черт! (Пауза.) Чтоб вам сдохнуть... (Сказав это, впрочем совсем беззлобно, он снова закрывает глаза и начинает что-то чуть слышно бормотать.)

Звонок в дверь.

Господи! (Смотрит в потолок.) Ты видишь, господи! Ну что за жизнь! (Садится на тахте.) Я так не согласен, господи! Прости меня, грешного...

Звонок в дверь.

(Встает). Иду... (Запевает.) «Все хорошо, прекрасная маркиза, за исключением пустяка...». (Лихо отплясывая и напевая, продвигается к входной двери, открывает ее.)

На пороге стоит Евгенийя.

Здравствуйте... Заходите...

Евгения (входя). Здравствуйте...

Кирилл (прикрывает дверь.) Вы простите... Я разве сегодня назначил?..

Евгения. Нет... Но мне... Я хотела по-советоваться...

Кирилл. Вы таблетки пьете?

Евгения. Да...

Кирилл. Ладно... Снимайте плащ... (Помогает снять плащ.) Идите в комнату...

Я сейчас приготовлю чай и поговорим.

Евгения. Не надо чая...

Кирилл. Это быстро. (Проводит Евгению в комнату.) Можете пока книги посмотреть... Вы, наверно, слышали... я тут пел...

Евгения. Я думала — радио...

Кирилл. Это я... Вчера привезли одно-

го... Я дежурил... Веселый... Жуть... Он эту «Маркизу» часа два пел... И все станцевать норовил... Сам хохочет...

Евгения. И что с ним?..

Кирилл. Что... Связали... Укололи... Уснул... Я думаю, ничего страшного... Полечим... А я домой пришел в двенадцать и до двух ночи сам эту «Маркизу» пел и плясал отчаянно...

Евгения. Зачем?

Кирилл. Вживался... Зрелище было, доложу вам... Я сейчас... (Напевая «Маркизу», уходит на кухню.)

Евгения судорожно раздевается — ее опять начинает знобить — и ложится в постель; руки кладет поверх одеяла, лежит, смотрит в потолок.

(Из кухни.) Вы варенье какое будете? (Пауза.) Женя! Вы варенье, говорю, какое будете?.. (Берет вазочку с вареньем и идет в комнату. На секунду задержался на пороге. Идет к столу, ставит вазочку.) Я решил, что вы больше любите вишневое... Я угадал?

Евгения. Угадали...

Кирилл. Мама в детстве моем, когда варенье варила или вареники делала, всегда одну вишню оставляла с косточкой... На счастье... Сейчас чай закипит...

Евгения. Пожалуйста... Ну, пожалуйста... Вы же говорили...

Кирилл. Чай есть вьетнамский с жасмином... китайский... Вы какой предпочитаете?

Евгения (смотрит в потолок). Я умоляю вас! Я вас умоляю! Только не говорите ничего...

Кирилл вдруг стал серьезным. Походил по комнате. Набирает номер телефона.

Кирилл (в трубку). Зина... Привет... Попроси Альбину моих двоих перенести на завтра... Потом объясню... Спасибо... Пока... (Кладет трубку.)

Евгения (как в бреду). Я умоляю вас...

Кирилл (садится на крышку стола, смотрит на Женю). Девочка Женя такая хорошая... А дядя Кирилл такой плохой...

Евгения (закрывает лицо руками). О господи... Да что же это... Господи...

Кирилл. Чайник свистит. Надо выключить. Я сейчас... (Быстро идет на кухню.)

Евгения (одна). Я умоляю вас... Я умоляю вас...

Действие второе

- Спасите меня... Пожалуйста... Вы такой добрый... Такой умный... Спасите...
 — Иди ко мне...
 — Я боюсь...
 — Ничего... Ничего...
 — О! Мне страшно... Милый... Мне страшно!
 — Ничего... Ничего...
 — Зачем ты делаешь мне так больно?..
 — Чтоб тебе было хорошо.

Все плывет, качается. Цвета радуги сменяют друг друга.

- Хочешь еще выпить?
 — Нет. Это не хорошо.
 — Пей. Пей.
 — Я никогда не пила столько. Мне будет плохо. (*Пьет.*)
 — Так это тебе будет плохо, а не мне.
 — Что ты сказал?..
 — Я говорю: я люблю тебя.
 — Спасибо, милый. Теперь мне не так страшно.
 — Иди ко мне опять.
 — После... После... Я не могу...
 — Молчи... Делай, что просят... Повернись... Нет, не так...
 — Я ничего не умею... Прости.
 — Ты молодец...
 — О! Боже! Я благодарю вас!
 — Ну, кто я — говори?!
 — Ты мой! Ты мой! Ты самый сильный и самый лучший...
 — А ты кто?!
 — Я? Я — не знаю...
 — Ты — никто! Ты — ничто!
 — Да! Да! Я — ничто! Только ты!
 — Ты моя наложница! Ты моя рабыня!
 — Я наложница твоя! Я твоя рабыня! Я целую пыль следов твоих! Я обожаю тебя, повелитель! Господин мой! Я — земля твоя!
 — Тебя нет! Тебя нет! Тебя нет!
 — Меня нет! Меня нет! Меня нет!
 — Есть только желание господина!
 — Только! Только! О! Мое солнце! Спасибо! Я — ничто! Как это прекрасно!
 — Став ничем, ты становишься всем!
 — Всем для тебя! Для тебя! Родной мой!
Радуга исчезает. Спокойный, теплый свет остается.

- Ты устала? Отдохни...
 — Милый... Ты такой один на свете?
 — Да.
 — И для меня? Только для меня?
 — Да. Только для тебя.
 — Как я счастлива. А если бы я не встретила тебя?
 — Ты бы встретила другого.
 — Зачем ты говоришь так?
 — Прости. Я так устал сегодня. Совсем не понимаю, что говорю...
 — Ты рад, что нашел меня?
 — Очень.
 — Почему же это было так долго?
 — Много причин... Сначала купил билеты не на тот поезд...
 — Разве ко мне нужно было ехать поездом?
 — Да... Такая неразбериха... Потом долго стоял в очереди за цветами...
 — За цветами?
 — Очень хотелось подарить тебе цветы. Но они кончились...
 — Милый... Какой ты чудак... Не нужно цветов...
 — Ты завела будильник?
 — Будильник? Ты разве спешишь?
 — Мне нужно ходить на работу.
 — И мне... Я забыла... Мне что-то было нужно...

Молодая женщина проходит через комнату.

- Кто это? Твоя жена?
 — Моя жена — это ты...
 — Я — жена? (*Смеется.*) Никак не привыкну.
 — Это собирает вещи Ирэна. Мы с ней жили... А теперь она грустная — ей нужно уходить.
 — Пускай ей не будет грустно. Пускай уйду я... (*Ходит по комнате.*)
 — Что ты ищешь?
 — Я хочу собрать свои вещи... Но здесь нет моих вещей...

Невидимый оркестр заиграл вальс.

- Не делай глупостей...
 — Откуда этот вальс?
 — Мы будем танцевать...
 — Откуда этот вальс? Я не могу вспомнить. Это — детство...

— «На сопках Маньчжурии»... Отец всегда ставил эту пластинку.

— Как величественно... И как прекрасно... Это не трубы... Это поют души погибших... Хочется плакать... Никто не вернется...

— Обними меня...

— А как же Ирэна?

— Молчи... Танцуй... И слушай...

— Откуда на мне это платье?

— Это мой подарок...

Они плывут в вальсе.

— Это музыка разрушает время... Она зовет к себе... Зовет неумолимо... И нет никаких сил удержаться... Мне страшно. И я счастлива.

— Патефон играл... Отец кружился по квартире... По комнате... Мы тогда жили все в одной комнате... И я подражал ему. А теперь танцую с тобой... *(Всматривается.)* Отец! Отец!

— Что ты?

— Это отец мелькнул там... в конце аллеи... Видишь?! Ты видишь?! Папа, милый... Я — здесь! Я сын твой!

— Эта музыка вызывает все тени... Всех, всех, кто танцевал ее с начала века... Видишь, сколько их здесь мелькает?! Они танцуют с нами! Танцуйте! Танцуйте все! Это музыка памяти!

— Отец! Отец! Не уходи! Я не могу остановиться!.. Не уходи!

— Как мучительно прекрасно!

— Не уходи, отец! Я не могу остановиться!..

Музыка обрывается. Слышен плач ребенка.

— Я пойду к ребенку.

— К ребенку? К какому ребенку?

— Ты разве забыл?.. К нашему ребенку... Он простужен, капризничает...

— Ах да... Так устаю на работе... Прости...

— Положи руку сюда... У нас опять будет ребенок... Я счастлива...

— Хотелось бы закурить...

— Детям вредно...

— Я, пожалуй... я... посмотрю футбол...

— Я давно хотела сказать — ты совсем не занимаешься воспитанием детей...

Входит Оля. Начинает раздеваться.

Евгения. Ведь им скоро в школу... Кто это? Кто это?

Кирилл. Не твое дело...

Оля. Женька! Присоединяйся! Ля мур де труа! И никаких проблем!

Евгения. Вы с ума сошли... Что вы делаете?!

Оля. О! Боже! Мужик у тебя прекрасный!

Кирилл. Молчи и работай!

Евгения *(закрывает лицо руками)*. Не заставляй меня смотреть! Что ты делаешь со мной! Я с ума схожу! Я люблю тебя!

Мать *(проходит)*. Не переживай. Перебесится... Они все в этом возрасте... Закрывай глаза... *(Исчезает.)*

Кирилл *(хватает Евгению за руку, тягивает в постель)*. Терпи, если любишь!

Оля *(тянется к Евгении, целует ее)*.

Мужик классный! Я же тебя тоже люблю! Все в порядке! Жизнь продолжается!

Кирилл *(сидит между Олей и Евгенией)*. Наша жизнь — это борьба! Вся жизнь — борьба! Настоящий мужчина —

это одинокий волк, который рыщет по этой жизни в поисках еды и самок! Хорошо отточенные клыки — вот главное! Я —

одинокий волк! Женщина — это почва! И не более... Женщины, дети... груз... надо сбросить... Моя личность! Неполное проявление себя!

Вы мне все мешаете! Я хочу быть свободным! Свободным! Свободным!

Двое молодых людей входят.

— Отец, дай денег!..

— У меня нет денег на твоих подруг!

— А на свою подругу у тебя есть? *(Вышвыривает Олю из постели.)*

Евгения. Как ты разговариваешь с отцом?

Оля. Я тебе в матери гожусь! *(Плачет.)* Он обидел меня...

— Дай денег!

— Заработай!

— Последний раз прошу!

— Не дам!

— Ну пеняйте на себя! Родители... Я ненавижу вас! *(Исчезает.)*

— Ты такой же, как и твой брат?

— Нет... нет... я люблю вас... мне вас жалко...

— Ты нас жалеешь?..

— Я не принимаю вашего мира... ваших

законов... ваших форм жизни... Это ваш мир... Мне нет до него дела... Но я люблю вас... Мне жалко вас... *(Исчезает.)*

Евгения. Не расстраивайся... Они хорошие мальчишки... Это пройдет.

— Отстань! Уйди к черту! Я уже старый! Я подыхаю! Уйди!

— Ну, не сердись, не сердись...

— Что это кругом нас?

— Молчание...

— А-а-а...

— Помнишь, как я впервые пришла к тебе?

— Я ничего не помню. Все, что было, все — чепуха.

— Но ведь это все — наша жизнь...

— Это была не жизнь...

— А что это было?..

Оля, старая, дряхлая, седая, бредет с трудом.

Оля. Это было преддверие... А сейчас началось самое главное. Мой дом для престарелых — ничего себе... Есть только очень вредные... Но нас объединяет предчувствие главного...

Евгения (старая, седая). Здравствуй, Оля!.. Я так рада...

Оля. Вы кто?

Евгения. Я Евгения. Твоя подруга...

Оля. Может быть... В преддверии много чего было... Простите, я спешу...

Евгения. Куда?

Оля. Скоро узнаем... *(Садится в кресло.)*

Кирилл (старый, больной, лежит на постели). А! Как болит сердце! Как болит!

Евгения. Милый, дорогой... Сейчас... сейчас... лекарство... Родной мой!

Кирилл. Какая тоска! Где моя могила?! Где моя могила?! Ах, черт! Меня же сожгут! Развейте мой пепел над Индией! Развейте меня! Зачем я жил?! Зачем я жил с тобой?! Уйдите все! Уходите все! Не смотрите! Неужели! Неужели! Отец, спаси меня! Отец *(Рухнул на кровать.)*

Евгения рыдает, обняв Кирилла. И опять невидимый оркестр заиграл «На сопках Маньчжурии».

Оля. Этот оркестр... он всегда играет... он для всех играет...

Евгения (словно повинувшись чужой воле, медленно, с трудом кружится в вальсе).

Ты помнишь... Ты помнишь... как мы танцевали?.. И твой отец приходил взглянуть на нас... И многие приходили... И радовались за нас... А теперь мы будем смотреть на других... и радоваться, что они живы... И жизнь так прекрасна... *(Рыдает.)* Он умер, господи! Он умер!

Голос Кирилла. Женя... Женя...

Голова Евгении мечется по подушке, она шепчет сквозь сон: «Ты умер, господи! Ты умер!»

Кирилл. Женя... Женя... Проснись...

Евгения открыла глаза и села на постели. Кирилл, уже почти одетый, сидит на письменном столе и смотрит на Евгению. Долгая пауза. На улице гроыхнул гром и пошел дождь.

Кирилл.

«Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом...».

Пауза.

Евгения. Который час?

Кирилл. Два часа.

Евгения. А я пришла...

Кирилл. В десять. Прошло четыре часа.

Евгения. Так много?..

Кирилл. Прошу вас: кофе... вы не возражаете? *(Подает Евгении кофе и бутерброды.)*

Евгения. Я буду есть. Можно?

Кирилл. Для того и старался.

Евгения начинает медленно есть.

Ну и при чем здесь Индия?

Евгения. Что?

Кирилл. Ты шептала...

Евгения. Я шептала?

Кирилл. Ну не я же.

Евгения продолжает есть. Пауза.

А плакала отчего?

Евгения. Я плакала?

Кирилл. Ну не я же.

Евгения. У тебя... у вас сердце не болит?

Кирилл. Вроде нормально.

Евгения. Меня, наверное, надо убить. *(Жует.)*

Кирилл. Это преждевременный вывод.

Евгения. Я теперь... женщина?

Кирилл. Ты нежная, прекрасная, замечательная женщина.

Евгения. Я теперь буду выздоравливать?

Кирилл. Я надеюсь — тебе это поможет.

Евгения. Ты хитрый. Ты как предложил мне в первую встречу... свой метод лечения... я сразу подумала: какой плохой и хитрый человек. Видит, что я беззащитна и измучена, и хочет воспользоваться.

Кирилл. Зачем же пришла?

Евгения. Вы меня все окружили. Понимаешь? Дома — они. Тут — ты. Но ты — это все-таки надежда. Вдруг...

Кирилл. Тебе снилось сейчас что-нибудь?

Евгения. Я теперь буду твоей любовницей?

Кирилл. Посмотрим... как тебе лучше...

Евгения. Буду приходить в условленное время... чтобы не столкнуться с другими твоими женщинами... Ты будешь делиться с нами со всеми новостями с работы и своими последними мыслями...

Кирилл. Так что тебе снилось?

Пауза.

Евгения. Кирилл, я больна?

Кирилл. Нет.

Евгения. Но ты меня вылечишь?

Кирилл. Конечно.

Евгения. Я всего боюсь... Их... тебя... Я боюсь своих снов. Мне очень страшно, Кирилл...

Громыхнул гром.

Кирилл. «Люблю грозу в начале мая...».

Евгения (*закрывает глаза*). Кирилл... Дорогой мой... хороший, ласковый мой человек... я очень прошу тебя... пожалуйста... никогда не умирай... пожалуйста...

Кирилл становится перед Женей на колени и целует ей руки.

Ты обещаешь? Ты обещаешь?

Кирилл. Я постараюсь...

Проходная комната, где живет Евгения. Вечер. На диване, на стульях, в креслах сидят Федор Петрович, Зоя Даниловна, Гриша, Нина, Филипп и сосредоточенно просматривают множество

белых листов бумаги, испещренных корявым полудетским почерком. Изредка передают друг другу листы, меняются.

Мать. Ну ничего не понимаю... За что это? За что?

Читают.

Отец. Поверить трудно...

Читают.

Гриша. Да... Дело более серьезное, чем я думал...

Нина. Я говорила...

Читают. За входной дверью Евгения гремит ключами. Ключ поворачивается в замке. Все смотрят на входную дверь. Евгения вошла. Сразу понимает, что произошло. Закрывает дверь. Стоит, опустив голову. Пауза.

Отец. Ты где была?

Мать. К врачу она ходила...

Отец. Где была?

Евгения. К врачу... ходила...

Отец (*потрясает пачкой листов*). Это что такое?

Пауза.

Это что такое?

Евгения. Это... не надо рыться в чужих записях...

Нина. Конечно, по больной логике — виноваты мы...

Евгения. Я не виню... Но не надо было...

Мать. Прибраться я решила... перед переездом... Упаковываемся. Полезла в диван... А там все забито... этой гадостью...

Гриша. Не понимаю я, Женька, не понимаю... Своих-то... В спину... Это ж... предательство... Это вот как на Запад передают рукописи... То же самое... Я ж тебя защищал всегда...

Нина. Да ей что ты есть, что нету.

Отец. Отвечать будешь?

Евгения. Что... не знаю...

Отец. Вот это что?

Евгения. Вы же прочли. Я не знаю...

Отец. Не знаешь? (*Читает громко.*)

«Сны Евгении». Название какое... важное... Ее, видите ли, сны... «Мать: Я сегодня стояла в очереди за колбасой». «Отец: Колбаса — это хорошо». «Мать: Была длинная очередь. И была

длинная колбаса». «Отец: Когда много колбасы — это хорошо...»

Гриша. А у меня тут... «Батяня! Батяня!» Это я, что ль, говорю? «Подъем! Подъем!» «Кто туалет занял?».

Нина (язвительно). «Ах, я не успела губы накрасить!» Про меня, должно быть.

Отец (листает). «Ох и нажрался же я!» Это я говорю... Представляете?..

Гриша. «Мешки с песком вокруг пулеметов!»

Мать. У меня тут страницах на двадцати все какие-то пьяные, уродливые...

Нина. Одним словом: «Сон разума рождает чудовищ».

Филипп (встрепенулся). Что?

Нина. Спит когда разум — вот все и кажутся чудовищами. Говорила — лечить надо.

Отец (бросает листы на пол). Какая мерзость, гадость... Мы стараемся помочь тебе... А ты в это время...

Мать. Нет, ты говорила, что сны там всякие, страхи... Это я понимаю... Врача тебе нашли хорошего. Но мы-то при чем здесь?

Нас за что так? Писать-то зачем?

Нина. Сколько злобы в ней.

Гриша. Не понимаю, Женька... И обидно, и не понимаю... Своих... предавать... Не понимаю... (Пошел к себе в комнату.)

Нина (идет за ним). Меры надо принимать... И серьезные...

Отец. Дурью маешься... Ненавидишь нас...

Евгения. Я... Нет... Я...

Отец. Противно, честное слово... В девках, что ль, засиделась. Заведи себе, что ль, кого... Ногами надрыгаешься — может, дурь-то и выйдет...

Мать. Петрович, ну не надо так... Филипп тут...

Отец. А что стесняться? Иная баба, пока ее мужик какой к делу не приспособит, все ходит как потерянная... Кто стихи пишет... Кто на рояле играет... от этого... (Бросает бумаги на пол.) Возьми свои... эти... Да... Крепко ты меня обидела... (Уходит.)

Мать (плачет). Горе, ну просто горе... Ты ужинать будешь?

Евгения. Нет.

Мать (плачет). За что ты нас так... ненавидишь?.. Ну за что?.. (Уходит следом за отцом.)

Пауза.

Филипп. Давай соберем... (Собирает листы с пола.)

Евгения присоединяется к нему.

Ты их всех ненавидишь?

Евгения. Я их всех люблю...

Филипп. А что же тогда пишешь?

Евгения. Это все не я...

Филипп. Не ты?

Евгения. Я только записываю...

Филипп. А кто же... Говорит кто же? С кого записываешь?

Евгения. Я не знаю... Не спрашивай больше...

Собрали листы в стопку, положили на стол.

Филипп. Я пойду.

Евгения. Иди... Я на диване посижу...

Филипп (в дверях своей комнаты). Ты держись, Женька...

Евгения (забирается с ногами на диван). Я держусь...

Филипп закрывает дверь. Слышно, как поворачивается ключ в замке. Евгения сидит на диване. Так она просидела всю ночь. Наступило утро. Все заходили по квартире. Завтракают, собираются. Подошла Мать, что-то спросила: наверное, что дать поесть. Евгения отрицательно покачала головой. Все как бы не замечают ее: сидит, ну и пускай сидит. Чужая. Все ушли. Квартира опустела. Звонит телефон. Евгения поднимает трубку.

Голос Кирилла. Алло! Евгению, пожалуйста... Вы слышите? Алло! (Пауза.) Женя, это ты? (Пауза.) Все будет хорошо... (Пауза.) Приходи... Я жду...

Евгения повесила трубку и просидела на диване до вечера. Постепенно начал мелькать всякий народ. Вот Оля пришла.

Оля. Все тухнешь? А жизнь стремится вперед. Ей-богу. С возрастом чувствую. Сейчас Жан повезет меня в «Космос» — ужинать, а потом — в Елоховскую. Говорят — патриарх будет служить. Как думаешь: так можно — и в «Космос», и в Елоховскую? (Вертится перед Евгенией.) Евгения. Можно.

Оля. А как креститься, ты скажи: слева направо или справа налево...

Евгения. Ты крещеная?

Оля. Нет, что ты...

Евгения. Тогда никак нельзя... Это кощунство...

Оля. А, брось... Вечно ты... Это же театр... И все всё играют...

Евгения. Какая разница — кто что играет: ты себе врать не должна...

Оля. А я и не вру. Хочу уехать с любимым человеком на Елисейские поля. Нельзя разве?

Евгения. Можно все...

Оля. С Олегом вчера весь вечер сидели. Решила я так: уезжаю и шлю ему оттуда деньги, барахло, в общем, поддерживаю. Он крепнет, становится на ноги... А там посмотрим... Может, разлюблю Жана, вернусь...

Евгения. Чего Олег сказал?

Оля. Чего... Совсем плохой стал... И выпил каплю... Плакать стал. Никак успокоить не могла. Но со всем согласился. Знаешь — как приятно ощущать свою силу. Вот и Жан мне сказал... У него, знаешь, приключений было: от Тайваня до Гвадалахары... Лучше тебя, говорит, никого не было... Ой, опаздываю. Так что такое Пасха? Быстро.

Евгения. Наспех нельзя.

Оля. Почему?

Евгения. Потому что это грех.

Оля (*протяжно*). Да-а, старуха... Надо тебя с Олегом познакомить. Грех, кощунство... Вы друг друга поймете... Ладно, не сержусь... Народ гулять хочет!.. После работы — водка, спорт, секс и религия!.. Оптом и в розницу!.. Чужого не надо, а наше отдай!.. Все радости сразу! Чао! Ты хоть из окошка посмотри! У вас тут напротив развалюха какая-то. Небось вокруг ходить будут.

Евгения. Посмотрю.

Оля ушла. Федор Петрович и Гриша ужинают на кухне.

Отец. Пускай поиграются, пускай... Я у нас смотрю в отделе: смех, ей-богу... Кто поглупее, ведь всерьез все принимает...

Гриша. Совсем народ вырождается...

Мать и Нина в комнате. Нина примеряет новый костюм.

Нина. Ну девки у меня, да? Ну мастерицы!

Мать. Любо-дорого. И не хуже ведь заграничного!

Нина. Не хуже.

Мать. Умеют ведь, когда хотят.

Нина. Умеют. Сейчас задача номер один — клиентуру отвадить.

Мать. Как то есть?

Нина. А зачем они? Мастеров у меня мало, шьют классно, небыстро. А телки как прослышали — из-за города приезжают. На иную смотришь — зачем ей одеваться?

Мать. Вот для того. Вот чтоб понравиться.

Нина. Отбросы это все.

Мать. Что?

Нина. Отбросы. Жизни, общества, природы. Нет, пускай живут. Но там где-нибудь... подальше... Вообще людей много развелось... раздражают... (*Хлопает себя по бедрам.*) Ну, как костюмчик-то?

Мать. Хоть сейчас, хоть куда.

Нина. То-то. Знай наших...

Все разошлись по своим комнатам, легли спать. Евгения сидит в углу дивана. Бойтся заснуть. В комнате темно. На улице — гул народа. Негромкие удары колокола. Отец в пижаме и в тапочках прошлепал через комнату, подошел к окну.

Отец (*бормочет полусонный*). Дурью маются... Что их не прихлопнули до сих пор? (*Прошлепал в туалет.*)

Звон колоколов.

Голос на улице. Христос воскрес!

Хор голосов.

— Воистину воскрес!

— Христос воскрес!

— Воистину воскрес!

— Христос воскрес!

— Воистину воскрес!

Отец (*выходит из туалета, идет к себе*). Сколько же дармоедов... И никак ведь эту заразу... Эх, грехи наши тяжкие... (*Ушел.*)

Тихо, издали доносится хор. Евгения прислушивается.

Вроде бы та же самая квартира, а вроде бы — старинный театр. Гардины. Кресла. Люстры. Позолота кругом. Росписи всякие. Первый звонок. Народ ходит по фойе. Вполголоса переговариваются. В закутке у трехстворчатого зеркала — Евгения. Вероятно, она готовится к выходу. Страшно волнуется. Испуганно поглядывает на себя в зеркало. Группа товарищей подходит к Отцу.

Гриша. Ну что, батя, волнуешься?

Отец. А как же. Дело такое.

Гриша. Сейчас еще больше заволнуешься.

Группа товарищей еще больше сплотилась.

— Ну вот что... Петрович... Мы тут с товарищами посоветовались и решили... Пора тебе искусством руководить...

— Да что вы, товарищи, да как же я... Опасаюсь я, товарищи...

— Зря, зря... Это ведь в наших традициях... Кто чего не умеет, тот тем и руководит...

— Это верно, конечно...

Второй звонок.

— А может, товарищ не дорос?

— Может, товарищ не понимает важности момента?

— Может, товарищ не понимает?

— Да товарищ ли он?

Пауза.

— Что вы, хлопцы, сказались? Це ж Федько? Не признали чи шо? Что молчишь, дубина? Скажи что-нибудь!

— Да, товарищи, я Федько. Я тот самый товарищ, о котором вам говорили другие товарищи. И я со всей ответственностью берусь.

— Слыхали, ребята, берется он! Все в порядке!

Гул одобрения.

— Товарищи! Нам предстоит сейчас дать верную оценку! Оценить! И чтоб народ... И после нас... И наша оценка...

— Сплотимся, товарищи!

— Не поддадимся, товарищи!

— Держитесь, братцы!

— Крепитесь, ребята!

Сплотились. Тишина. Евгения сидит у зеркала.

Кто-то тихо запел.

«Работа у нас такая.

Забота наша простая».

Все хором.

«Жила бы страна родная.

И нету других забот...».

Третий звонок.

Человек в штатском (пробегает). Спецгруппа — по местам! Первый и второй номера — к дверям! *(Скрывается.)*

Все, подбадривая и обнадеживая друг друга, рассаживаются по креслам с золотыми завитушками. У дальней двери распахивается шитая золотом портьера, за которой возникает гаубица средней величины, жерлом направленная на небольшую сцену. Свет начинает медленно гаснуть.

— Товарищи, свет гасят!

— Не опасно ли это?

— Может, остановить?

— Ничего-ничего! Держитесь друг друга! Нащупывайте!

Свет погас.

— Господи! Что вы щупаете? Это же моя грудь!

— Пардон! Я думал...

— Он думал, что это попка его заместителя!..

Все захихикали.

— Товарищи! Это все потом! Расслабимся потом!

В темноте зашуршал занавес. Из-за кулис — слабый свет. Евгения в длинном платье со свечой в руках медленно идет, как бы отыскивая путь. Подходит к краю сцены.

Евгения. Я родилась в декабре месяце, зимой, перед Рождеством Христовым и Новым годом...

— Стоп! Стоп! Не пойдет!

— Остановитесь!

— Вы почему в темноте и со свечой?

Евгения. Видите ли... Я только что еще родилась... Сумерки сознания... Вечные поиски человеком своего пути...

— Хлопцы! Мистика! Чистой воды!

Все. Мистика!.. Мистика!.. Запашок!

— Дайте свет!

Зажигается яркий свет. Евгения прикрывает глаза рукой.

— Вот другое дело!

— Теперь все другое! Ярко, солнечно! Вышла уверенно на середину! И говори!

Евгения пытается выйти уверенно.

— Теперь и свеча ни к чему! Гасите свечу!

Евгения гасит свечу.

— Пожалуйста, сначала!

— Только без Христа!

Евгения. Что?

— Рождество уберите.

Евгения. Почему?

— Это, деточка, необсуждаемо! Уберите, и все!

Евгения. Я не понимаю.

— Это мы видим.

— Понимать — не обязательно. Выполнять — обязательно.

Евгения. Я родилась в декабре месяце, зимой, перед... Новым годом...

— Стоп! Декабрь, зима, Новый год — все одно и то же и все холодное. Оставьте что-нибудь одно.

Евгения. Но это не одно и то же... Тут ощущения...

— Ощущайте дома! Вышла, встала, сказала четко: «Я родилась в декабре!» Ну-ка!

Евгения (*выходит, говорит четко*). Я родилась в декабре!

Все в зале аплодируют тому, то делает основные замечания.

— Молодец, батька!

— Давай, Петрович!

Человек с подносом пробегает.

Человек. Антракт! Антракт! Антракт! (*Раздает кофе.*)

— (*Евгении.*) Отдыхай! Артисты!..

Занавес медленно закрывается. Евгения понуро бредет за кулисы, садится... Все оживленно болтают, пьют кофе.

— Успех, товарищи, полный успех!

— Да! Да! Мы на верном пути!

— (*Усмехается.*) Как я ее срезал? А? Свет зажечь! Свечу потушить! Христа долой! А?

— Великолепно!

— С этими интеллигентами... с ними надо... А то ведь... Да?

— Верно, верно! Главное — дальше так же!

— Не поддаваться!

Человек (*пробегая*). Надбавка! Надбавка за вредность! Получите! (*Раздает всем пачки денег.*)

Все углубились в пересчитывание купюр.

Радио (*внезапно включаясь*).

«Унылая пора! Очей очарованье!

Приятна мне твоя прощальная краса!

Люблю я пышное природы

увяданье,

В багрец и золото одетые леса...»

— Кто ж написал?

— Знакомое что-то...

Из радиорепродуктора слышатся всхлипывания.

— (*К радио.*) Ты чего? Ты чего? Расстроился, что ль? Обидел, что ль, кто?

— Кто написал-то?

Радио (*всхлиывая*). Пушкин написал. Пушкин. (*Вдруг приободряется, голосом спортивного комментатора.*) А сейчас послушайте прямую трансляцию с места дуэли Пушкина с Дантесами. Направо — поэт и его секунданты. Налево от нас — от Черной речки и до горизонта, тесными рядами на Восток и на Запад, на Север и на Юг — это все Дантесы...

Слышны звуки артиллерийской канонады.

— (*Задумчиво.*) Интересно — кто из них кого?

Раздается первый звонок.

Радио (*внезапно*). «...С помощью грязных подлогов вы инсценировали судебные процессы... Вы обокрали мертвых, убитых и опозоренных вами людей, и присвоили себе их подвиги и заслуги... Нет области, нет уголка, где можно спокойно заниматься любимым делом...»

Все в фойе замерли. Второй звонок.

«...Ваша безумная вакханалия не может продолжаться долго... Бесконечен список ваших преступлений... Рано или поздно...»

Кто-то бросился к радио и выключил его. Все тяжело дышат и переглядываются.

— Может, другую какую программу...
— Только осторожно переключайте.

Кто-то переключает приемник на другую программу.

Радио. Послушайте сводку погоды. Ветер перемен... ветер перемен... ветер перемен...

Все в растерянности заходили по фойе. Третий звонок. Вдруг подул ветер. Колышутся шторы. Полетели программки.

— Товарищи, ветер!
— Откуда здесь ветер?

Свет начинает гаснуть.

— Товарищи, что делать?
— Как при таком ветре работать?
— Он сейчас утихнет!

Темнота. Открывается занавес. Свет.

Евгения (*выходит, останавливается*). Я родилась в декабре. В детстве я очень много болела и поэтому часто лежала целыми днями в постели и фантазировала...

— Стоп! Стоп! Стоп! Почему без свечи? Почему при свете?

Евгения (*растерянно*). Вы же сами...
— Мы тут в антракте посоветовались с товарищами... И решили все вернуть. Верно, товарищи?

Евгения. И Рождество?

— Да! И даже Рождество! Мы это теперь будем рассматривать как антирелигиозную пропаганду!

— Вы просто «Рождество» говорите без выражения. То ли сказали, то ли нет.

— Товарищи! А что это мы в первом ряду расселись? Главный кто? Творец! (*Указывает на Евгению.*) Вот она! Поприветствуем товарища творца!

Все аплодируют.

— И пошли в последний ряд! Пошли, товарищи. Нечего, понимаешь...

— Да, действительно, сидим у них над душой...

— Они ведь тоже люди...

— Понимать надо... Дело тонкое...

Все пошли было...

— Товарищи, а что там в дверях?

Все оборачиваются и смотрят на гаубицу, выглядывающую из-за портьеры.

— Что там такое, я спрашиваю?

— Гаубица...

— Что?

— Пушка такая...

— Вы что, с ума все посходили? Вы где находитесь? А? Кто принес?! Кто принес, я спрашиваю?!

Голоса.

— Семенов, Семенов принес...

— Семенов? Ну-ка встань, Семенов!

Семенов виновато встает.

— Ты это что же, Семенов! Мы тебя за перспективного считаем... Ты зачем гаубицу в театр принес?..

— Да я думал, как лучше...

— Думал он... А ты о них подумал? (*Тычет в Евгению.*)

— Я так только... маленько... для самочувствия... Почин, думал, такой...

— Тут тебе, Семенов, не полигон... Тут искусство, можно сказать, в муках рождается... Откуда, кстати, у тебя гаубица?

— От бабушки осталась...

— Конечно, дедовские традиции надо развивать... Но не до такой же степени, товарищи... Ай-яй-яй, Семенов... Ну, просто — ай-яй-яй...

— Я больше не буду...

— Смотри у меня... (*Евгении.*) Прошу вас, пожалуйста...

Свет гаснет.

Евгения (*со свечой*). Я родилась в декабре, зимой, перед Рождеством Христовым и Новым годом... В детстве...

Человек в штатском (*пробегает*). Антракт! Антракт! Антракт!

Перед удивленной Евгенией закрылся занавес, и она опять побрела за кулисы. Тишина. Тоска. Потемнело. Одиноко как-то. Гриша прилег на диван и заснул. Мать на кухне готовит пельмени. То ли театр, то ли кухня квартиры, то ли ресторанная кухня. Мелькают тени официантов. Погромыхивает посуда. Негромкие возгласы: «Два на ребрышках! Люля пошло! Кубанской двести! Помидоры целиком!»

Отец (*ласково обнимает Женю за плечи*). Ну что, Женечка? Устала, глупенькая? Устала... Куда тебе с нами... У нас знаешь какой опыт. Ого-го! Жалко тебя!.. Ну ты сама подумай — я тебе по-отечески скажу: ты подумай, почему мы призываем описывать человека, каким он должен быть, образец давать, идеал? В будущее заглядываем? Почему? Да потому что эти книги все, фильмы твои — они сразу становятся нам не опасными. Мечту описывают. Дым. Извечное стремление человека к прекрасному!

Голоса. Киевская пошла! Грузинского сто пятьдесят! Жульен — два!

Отец. Будущее — это вообще вещь замечательная. Для нас. Ведь никогда не известно, когда оно наступит и каким будет. То ли через десять лет, то ли через сто. А мы стоим как титаны и призываем серые массы: «Хватит копать в помойке сегодняшнего дня, обратите свой взор ко дню завтрашнему!» В том смысле, что они несознательные ретрограды, а мы уже одной ногой в будущем. И за что нас тогда критиковать? За что? За будущее? За мечту? За дым? То-то... Но вот заводятся какие-нибудь и начинают... И пошло, и пошло... Лодку раскачивают... Понимаешь? Нашу лодку. Мы ее строили, а они раскачивают. Это уже не искусство, это уже оппозиция...

Голоса. Пастернак пошел!.. Картошка жареная!.. Михал Афанасьевича подайте...

Отец. А за что нас критиковать? Мы хорошие люди! Сами ничего не делаем и другим не дадим. Да ты знаешь — вот Сидор Парфеныч. Прекраснейший человек. Посадили его недавно. Ну да ничего — он скоро вернется. Или Игорь Александрович. Редкий человек. С должности сняли. Ну да ничего — он скоро вернется... А Капитон Денисыч. Чуть из партии не вышибли. Подарки брал. Перебрал немного. Душевный, добрый человек. Наш человек. Ничего-ничего... И он скоро вернется...

Голоса. Мандельштама — два!.. Лук крошить!.. В котел!.. Бабель пошел!.. Всеволода Эмильевича подготовьте...

Отец. Все вернется, Женечка! Все! Послушай меня, доченька! Брось ты про сегодня! Ты про завтра мечтай! Ты вдаль смотри! А нас не трогай! Только ты того...

(*Смеется.*) Я подумал. Придешь ты в эту даль. В это будущее. А там мы опять. И такие же... С Сидором Парфенычем да Капитон Денисычем! Нас и снимают и пугают, а мы стойко держимся и только говорим: «На нас не смотри, смотри вдаль, в будущее, вперед!»

Голоса на кухне. Командный состав пошел! Белую косточку с мозгом! Просят понаваристей! Дров подбросьте!

Отец. А в снах этих твоих есть, Женечка, что-то нерусское. Россия, она простор любит, покой... Россия — это великая дрёма... Это — Миргород... Помнишь... лужа посреди Миргорода... Она стояла, стоит и будет стоять... А в ней — свиньи, поросята всякие... шмель гудит... солнышко припекает... Лепота... Это родное все наше... Грязь наша... лень наша... порты рваные на заборе сушатся... родные... Русский человек вообще к покою привык, он всяких там изменений не любит... Живет себе потихоньку — и слава богу... День прошел — и хорошо...

Евгения (*с трудом выговаривая*). А кто же тогда Зимний брал?

Отец. В руководстве, Женечка, ну как бы тебе это объяснить, было тогда много инородцев... Все зело злые на Российскую империю... А русский человек... богоносец наш... он доверчивый... Ему скажи пирамиду Хеопса взять, он возьмет... Потом спросит — зачем... Переворошили Россию... перепортили... успокоиться бы, отдохнуть... так нет... А ты — народ бунтовать... подбивать его... Он живет себе тихонечко... и, может, не подозревает, что как-то иначе жить можно... А ты его тревожишь... Это вредно...

Евгения. Для кого?

Отец (*улыбается*). Для тебя... Бог весть чем все кончится... А народ мы в обиду не дадим...

Голоса на кухне. Отбивная экономическая!.. Ромштекс изрубленный по-крестьянски!.. Дикер «Звезда»!.. Мороженое «Ленинград»!.. Торт «Великая дружба»!.. Врачи пошли!..

Отец (*громко*). Покажите нам все в радостном виде!

Гриша (*проснулся, стукнул кулаком*). Не дадим замазывать!

Отец. Нет... Конечно, можно показать отдельные показательные недостатки...

Но — до поры...

Радио (*включается*). «Но писать нужно всю настоящую правду. Только такая правда, как ни больно мне будет писать ее, может представлять настоящий интерес...»

Отец. Это кто ж сказал?

Радио. Лев Толстой.

Отец. Граф — он и есть граф. Нам с ним не по дороге.

Радио. Мы передавали легкую музыку. А сейчас послушайте концерт еще более легкой музыки...

Голоса на кухне (*вдруг вспыхивают три ведьмы*).

«Ярко, ярко! Пламя жарко!

Закипай в котле заварка!»

(*С визгом исчезают.*)

— Эй! Эй! Не снижать темпа! Народ есть хочет!

Евгения (*шепчет истерически*). Нет, нет нет...

Отец. Что, Женечка?..

Евгения (*мечется, ища выхода*). Будьте все прокляты... Будьте прокляты... Всегда... И дети ваши...

Гриша. Так мы ж и есть «дети», сеструха...

Евгения (*в бреду*). И мы прокляты... И нет прощения... Что там за котел? Что это у вас? Покажите!

— Туда нельзя!

— Покажите! Что там?! Что там?! Я хочу заглянуть! Что вы там прячете?

— Нельзя, тебе говорят! Нельзя!

Отшвыривают Евгению в сторону. Она забила в угол и затихла. Еще больше стемнело. Совсем тоскливо стало. Гриша достал бутылку водки. Налил себе и Отцу. Выпили. Отец вдруг заплакал.

Отец (*плачет*). Вот жизнь наша... Вот неблагодарные... Руководишь, руководишь... этим... ну как его...

Гриша (*подсказывает*). Искусством.

Отец. Вот-вот... Учишь их, учишь... как и что... Год учишь, два, десять лет, пятьдесят, сто пятьдесят... А они тупые какие-то. Все чего-то не то делают... Нет чтоб гопака сплясать... Но что ж потом... Они все ж всплывают и цветут, паразиты... А мы... (*Напевает.*) «И никто не узнает, где могила моя...» (*Плачет.*) Я еще, помню, Мишке Булгакову все говорил:

«Брось,— говорил,— Мишка, ты эти свои штучки... Пиши, как люди пишут... Он, негодяй, головой кивал: мол, понимаю, а сам про свою Маргариту писал по ночам... (*Вздыхает.*) И хорошо написал... Я уж ребятам говорил: ребята, не расстрелять ли нам его?.. Поленились. А теперь пойдешь — достанешь. Классик. А мы — опять вроде и ни при чем... Обидно... (*Стонет.*) Пропала жизнь! Пропала жизнь!.. Я талантлив, умен, смел. Если бы я жил нормально, то из меня мог бы выйти Шопенгауэр, Достоевский... Матушка, я в отчаянии! Матушка! Я зарпортовался! Я с ума схожу... Я... Я... (*Кричит с надрывом.*)

«Я самый счастливый поэт

на земле!

Я Сталина видел в московском Кремле!..».

Во как мы писали... Во как...

Изможденный человек в ватнике подходит, оглядываясь.

— Гражданин начальник... Хлеба кусочек... Третий день не ел... Блатные отбирают... Христа ради!

— Вон отсюда! Мразь! Морда шпионская! *Заключенный исчезает.*

— Эй, на кухне! Скажите, чтоб сегодня же объяснили ему...

Голос. Будет сделано, батя... Не подведем...

Отец (*вдруг, словно не плакал, Евгению, ласково*). Так о чем мы... А... Все вернется, Женечка, все вернется. Мы разрушать завоеванное не дадим... Налей, сынок...

Сидят. Выпивают. Закусывают. Стихи читают. Никто подходит к Евгению.

— Пойдем, Женя...

— Кирилл, это ты?

— Пойдем...

— Куда?

— Пойдем...

Идут в полумраке по лабиринтам театра.

— Кирилл... не иди так быстро... Я плохо вижу тебя... Я хочу обнять тебя... Я люблю тебя... Выведи меня отсюда...

Кирилл (*идет, бормочет*). Не то... нет... не то... Не та дверь... Опять не та... И эта не та... Опять не она...

Евгения. Ты сам не знаешь, да? Я помогу тебе... Я помогу...

Кирилл. «Выход»... Вот, кажется... «Выход» — написано...

Евгения. Ну что же ты — идем...

Евгения открывает дверь... и оказывается в том же самом зрительном зале, только теперь она в партере, а вся комиссия на сцене. Все возбуждены, радостны, хохочут.

Главный, он же Отец (повязав женскую косынку, копирует Евгению, говорит тонким голосом.) Я родилась, видите ли, в декабре месяце...

Все хохочут.

Я, видите ли, перед Рождеством... и годом, видите ли, Новым... елочка, понимаете ли...

Все хохочут.

Родилась ли я, сдохла ли, какая разница... Но я, видите ли, человек, личность, такая... и считаю необходимым канючить об этом... (Делает горестное выражение лица.)

Все покатываются от смеха.

Ну-ка, все дружно!

Все повязывают косынки и пускаются в пляс.

Все (дружно топая, орут).

Родились мы в декабре
Перед Новым годом.
Про веселое поем
И ходим хороводом!

Кто с печальными мыслями —
Лучше к нам не лезьте.
Оптимизмом сплочены,
Мы гуляем вместе!

Мужчины пустились вприсядку, женщины порхают возле них: «Эх! Эх!»

Ведущая (голосом Анны Чеховой).
А теперь — русская народная песня «Ветер перемен». Исполняют те же, что и всегда.

Все (встали в ряд и спели).

Эх ты, ветер! Эх ты, ветер!
Эх ты, ветер перемен!
Эх ты, ветер, ветер, ветер!
Эх ты, ветер перемен!

За окнами вдруг все озарилось. То ли фейерверк, то ли салют. Отдаленные раскаты, похожие на гром. Все бросились к окнам.

— Что... что... что такое?

— Праздник какой...

Появляются двое странно одетые.

— Ну, пошли, пошли...

— Не мешайте, товарищи...

— Пойдемте.

— Куда?

— Пойдем. Там хорошо будет...

— Это где? Вы меня куда?

— И работу вам определили...

— Какую работу?

— Бесконечность подметать.

— Подметать?

— И вы с нами...

— Погодите, куда вы нас собираетесь...

— Мы вот обсуждаем тут...

— Ловцы слов.

— Что?

— Ловцы слов.

— Это... Вы про нас это?

— Идемте.

Грустный, отдаленный звук трубы.

— Уже трубят. А вы все...

— Товарищи, это пионерский горн...

— Побойтесь бога, это звук как из прошлого.

— Или из будущего. Товарищи, это звук откуда?

— Отовсюду.

— И бумажки с собой прихватите.

— Какие бумажки?

— Вот эти. «Протоколы», «Постановления». То, что красным карандашиком перечеркнуто. Печати всякие. Все ж таки вещественные доказательства.

— Доказательства? Вы что — из суда?

— Да скорее же...

Опять звук трубы.

— Опаздываем.

Все толпятся в нерешительности.

— Идемте. Идемте.

Страшный грохот. Дым, искры.

— Боже, боже... Что это?.. Что это?..

— Так я и знал... Седьмую печать сорвали... Не успеваем. Пошли, пошли...

— Седьмую печать?! Товарищи, назад! Это провокация!

— Что? Что? Что?

— Я читал! Я знаю! Брошюра такая! Об опиуме для народа! Седьмая печать — это оттуда! Ее там кто-то срывал... Они нас туда тащат.

Все. Не поддадимся! Товарищи! Провокация. Беритесь за руки.

— Поверьте — там хорошо! Там лучше!

— Граждане, ну не силу же применять!

— Не сдавайтесь, товарищи!

— Говорил я тебе — в милицейском прийти надо было. Побежали бы как миленькие... А теперь возись...

— Запевайте, товарищи...

Отдаленный звук трубы.

— Что петь? Что?

— Кто что помнит...

— Да вот эта... как ее...

И грянули хором:

«Эх полным-полна моя коробушка.
Есть и ситец, и парча!...».

Главный (*в полубморочном состоянии*). Товарищи! Все, что происходит сейчас... и этих двоих... надо вычеркнуть... вычеркнуть... этого нельзя... (*Черкает в воздухе рукой крест-накрест.*)

Архангелы. Крестит нас, что ли?

Главный. Я... вас... вычеркнул... И чтобы вы... сей же момент...

Один архангел (*глубокомысленно*). Жизнь не вычеркнешь...

Другой архангел. Эх, бедолага... как его всего... болезного...

Евгения. Не надо ссориться из-за меня.

Родственники. Из-за тебя?

Архангелы. Из-за вас?..

Все растворились в дыму, искрах и грохоте. Евгения одна в комнате.

Тишина. Покой. Воскресное утро. Где-то бьют часы. Послышался негромкий женский вскрик. Евгения прислушивается. Не может понять — откуда. Крик повторился — громче. Дверь комнаты Филиппа отворилась, и оттуда с веником в руках показалась Мать.

Мать (*прислонилась к косяку, причитает*). Господи! За что несчастье такое? За что? Он маленький еще! За что мор насылаешь?

Евгения (*бросилась к Матери*). Мама! Что случилось?

Мать (*отшатнувшись от нее, кричит*). Не подходи, проклятая! Не подходи ко мне! Тварь! Мерзавка!

Евгения (*растерялась*). Что ты мамочка?

Отец (*выглянул из своей комнаты*). Что кричите с утра? То в колокола бьют, то орут...

Мать. Отец! Отец! Иди сюда! Люди добрые! Все идите! Смотрите! Вот что она понаделала!

Отец подошел ближе. Мать обняла его и зарыдала. Гриша и Нина появляются полуодетые.

Отец. Кончай реветь! Что случилось-то? (*Евгении.*) Опять ты что-нибудь?

Евгения (*растерянно*). Я, честное слово, ничего не знаю... Сижу тут... Вдруг крик... **Мать** (*кричит*). Не знает она! Тварь! Убить тебя мало! (*Пытается ударить Евгению веником.*)

Отец (*удерживает Мать*). Да объясни, в чем дело?

Нина. Что с вами, мама?

Мать (*указывает в комнату Филиппа*). Там... Там... Филипп... (*Рыдает.*)

Гриша (*рванулся*). Что с Филькой? (*Влетает в комнату, постоял, посмотрел.*)

Отец. Чего там?

Гриша (*выходит*). Так нет его...

Мать (*рыдает*). На столе... На столе... Бумага...

Гриша опять зашел в комнату. Выходит с бумагами в руках. Читает.

Гриша. Да-а...

Мать. Дрянь больная! Тварь заразная! **Нина** (*подходит к Грише, читает*). Ого! Я вас предупреждала... Не верили...

Отец. Да что там, прочти!

Гриша (*читает*). «Сны Евгении»...

Все смотрят на Евгению.

Отец. Опять ее, что ли, мараение?

Евгения. Я ничего не знаю.

Гриша. Да нет, его...

Отец. Его?

Мать. Это зараза! Это проклятие какое-то на наш дом...

Нина (*хохочет*). Мы скоро все начнем это писать... Домашняя чума. Гриша, ты еще не пишешь?

Отец. Читай.

Гриша. Значит, «Сны Евгении... Философский трактат»...

Мать (*рыдает*). Философский... За что? Сыночек мой...

Гриша. «Оглавление. Глава первая. Что ей снится и ее ли это сны? Глава вторая. Сны, как неотъемлемая часть реальности. Глава третья. Социальная основа сновидений...»

Нина. Я предупреждала...

Мать. Социальная? (*Рыдает.*) Нас всех посадят... Честное слово, посадят... Он товарищам понесет читать...

Отец. Успокойся мать... Мы сами всех посадим, если нужно будет. Не то время сейчас...

Евгения. Я, правда... Я если б знала...

Мать. Молчи, дрянь!

Нина. Это надо пресекать, а то...

Отец. Где Филипп?

Мать. В душе, в душе... Он пошел, а я глядь в комнату... На столе, видать, забыл... То-то, думаю, он запирается стал... Веник взяла... Как прочла заглавие, чуть на месте не померла...

Все затихли. Слышен шум воды из ванной комнаты. Филипп что-то напевает...

Гриша (*подошел к двери, стучит*). Филя! Филька!

Голос Филиппа. Чего?

Гриша. Выходи, дело есть!

Голос Филиппа. Скоро!

Гриша. Выходи сейчас! Срочное!

Шум воды прекратился. Филипп, обмотавшись полотенцем, выглядывает.

Филипп. Чего?

Гриша (*показывает издали листы*). Твой?

Филипп (*бросился к Грише*). Отдай! Как вы смели?!

Гриша. Еще чего! Смели!.. (*Одной рукой держит Филиппа, другой передает листы Нине.*) Сейчас лечить будем!

Филипп. Отдайте! Зачем вы взяли? Что вам нужно?

Гриша (*держит его*). Нина, отойди еще

немного! Так! Листы держи, чтоб он видел... Так! Начинай рвать!

Филипп (*бьется*). Вы не смеете! Вы не смеете! Это не ваше!

Нина рвет листы.

Гриша. Рви медленнее! (*Филиппу.*) А ты смотри внимательно и помни: так будет с любой гадостью, которую ты напишешь! Понял? С любой!

Нина медленно продолжает рвать листы.

Филипп (*бьется в истерике*). Вы негодяи! Вы подонки! Вы сволочи! Я вас ненавижу! Я не буду с вами жить! Не буду!

Отец. Не будет он...

Мать. Филя... Это для твоего же блага... Это болезнь у тебя...

Гриша. Будешь с нами жить! Никуда не денешься! Полечим — и будешь как новенький! Смотри! И повторяй!

Нина медленно рвет листы.

Никогда не буду писать эту гадость! Повторяй! Я болен! Я заразился! Спасибо родным, которые меня лечат! Повторяй!

Филипп. Сволочи! Сволочи! Негодяи! Я вас ненавижу!

Гриша. Обещаю исправиться! И не делать больше глупостей! Повторяй!

Филипп. Обещаю ненавидеть такое дерьмо, как вы!

Нина. Всё. В мелкие кусочки. Не собрать.

Гриша (*отталкивает от себя Филиппа*). Первый сеанс окончен. Поблагодари нас! И убирайся!

Филипп подошел к Нине и плюнул ей в лицо.

Мать. Ой, Филя! Женщине...

Нина. Мерзавец.

Гриша (*бросился опять к Филиппу*). Ну это... Ну я тебе...

Филипп изловчился и плюнул в Гришу.

Отец. Поймать его!

Все бросились за Филиппом. Он мечется по квартире и молча плюет в своих преследователей. Наконец Отец и Гриша схватили Филиппа, скрутили и бросили на пол.

Гриша (*снимает ремень*). Сейчас сеанс второй будет!

Отец. Пресечь немедленно!

Мать (*мечется*). Филенька! Ну, заболел... Ну как не он... Ну словно подменили... Женщине... в лицо... Брату... Просто чума какая-то... Филенька...

Нина (*схватилась за сердце, ползет по стене*). Ой, плохо мне...

Мать. Сейчас, сейчас... (*Прыскает на Нину водой.*)

Гриша. Добром не вышло, так... И — раз! И — два! (*Хлещет Филиппа ремнем, Отец держит.*)

Евгения, все время стоявшая в стороне, бросилась к окну, рванула на себя раму, вскочила на подоконник, почти шагнула за окно. Держится одной рукой. Все замерли...

Евгения (*отчетливо*). Во всем виновата только я... Отпустите его. И никогда больше не трогайте...

Мать (*шепотом*). Ты что? Ты что надумала?

Евгения. Отпустите его... Считаю до десяти... Раз... два...

Нина (*тихо*). Отпустите... Жалко... Черт с ней...

Евгения. Три... четыре... пять...

Отец (*тихо*). Вот истеричка... (*Грише.*)

Хватит... Отпусти...

Гриша. Ладно... Все, Женька... Отпустили...

Евгения. Шесть... семь... восемь...

Мать. Все... все... Женечка... успокойся... отпустили уже... все...

Евгения. Девять... десять... одиннадцать...

Филипп. Женька... Все... Слышишь?

Евгения (*в забытьи*). Двенадцать... тринадцать... Четырнадцать...

Все замерли.

Отец (*шепотом*). Не слышит.

Нина. Сейчас вывалится...

Мать (*плачет*). Женечка моя, родная...

Евгения. Пятнадцать... Шестнадцать... Семнадцать... (*Покачнулась.*)

Всеобщий вопль. Гриша метнулся к окну и в последнее мгновение обхватил Евгению за ноги. Тащит ее в комнату. Все хлопочут.

Мать (*плачет*). Женя, Женечка... Деточка моя... Беда-то какая на нашу голову...

Нина. Это не дом... Это что-то...

Филипп. Жень... Все в порядке со мной...

Отец (*Грише*). Ну ты молодец...

Гриша. Десантные войска. Это на всю жизнь. Сеструха! Ну? Жизнь продолжается? Да?

Евгения открывает глаза и обводит всех взглядом, потом сползает на пол и становится на колени. Мать и Гриша пытаются поднять ее.

Мать. Что ты? Что ты, доченька?

Евгения (*на коленях*). Погодите. Не надо. Пусть я... Я прошу у вас у всех прощения...

Тишина.

За себя... За Филиппа... За все... Вы все такие добрые, хорошие. Вы ни в чем не виноваты... Я порчу вам жизнь...

Мать (*плачет*). Встань, встань... Чего там... свои же люди...

Гриша. Все в жизни бывает...

Яркий солнечный свет заливает всю квартиру.

Евгения. Простите, простите меня все! Это я плохая! Все дело во мне...

Стены квартиры становятся прозрачными и начинают таять.

Прости, отец! (*Целует Отца.*)

Отец. Да чего уж там... (*Целует Евгению.*)

Евгения. Прости, мама! (*Целует Мать.*)

Мать. Я только о тебе думаю, только о тебе... (*Целует Евгению.*)

Квартира совсем исчезла. Они все стоят на поляне. Лето. Жарко. Цветы. Грибы. Бабочки летают. Птички поют.

Евгения. Ведь какая жизнь прекрасная! Как в мире всего много радостного, замечательного! Все дело во мне!

Гриша. Сеструха... Все пройдет зимой холодной!

Евгения целуется и обнимается с Гришей, Ниной, Филиппом. Мать уже собирает ягоды. Отец — грибы. Нина плетет венки из цветов. Филипп ловит бабочку. Гриша вооружился косой.

Евгения. Вот так все и было! Еще недавно!

Отец. Гляди-ка! Подберезовик!

Мать. Черники-то! Меряно-немеряно!

Вся семья сидит у погасшего костра. Гриша добывает огонь трением.

Евгения. Как красиво... Я вижу... Я вижу... Они плывут по небу... Всё покрывается ядом...

Мать (плачет). Какое несчастье. Ни слова нельзя понять... Бедная.

Евгения. Бедные мать и отец... Братья... Бедные... (Кричит в ужасе). А-а-а! Он пришел! (Указывает на выход из пещеры.)

Все оборачиваются. На пороге стоит Шаман. Все упали на землю.

Отец. Спасибо тебе, великий, что ты сам пришел! Услышал наши просьбы!

Мать. Дочь одна у нас... Спаси ее, великий!

Шаман. Почему холодно у вас?

Гриша. Костер вот... никак... отсырело...

Шаман. Может, ты сам отсырел? Погрейся...

Шаман посмотрел пристально на очаг — и огонь вспыхнул. У всех — вопль ужаса и восторга.

Все (шепчут). Великий... великий... чудо... чудо...

Шаман (бормочет). И накормил пятью хлебами пять тысяч человек...

Мать. Вылечи ее, великий, вылечи...

Шаман (бормочет). И подозвал он к себе бесноватую и сказал ей... (Евгении.) Подойди ко мне...

Евгения послушно подходит.

(*Всем.*) Станьте кругом...

Все окружают Евгению.

(*Бьет в бубен и напевает.*) Забудь, забудь, уйди, уйди... Память, уйди... Новый человек, новый человек... приди, приди...

Все пританцовывают и подпевают.

(*Бьет в бубен и поет.*) Прошлое — было... Завтра — не настало... Забудь, что было... Забудешь, что стало... Память оборвется... Злой дух уйдет... Прошлое вспомнишь наоборот...

Вдруг — нарастают вой, свист, вопль многих людей. Все затихли.

Шаман (устало бормочет). И падший ангел на огненном коне... Зачем? (Бросает

бубен, подходит к выходу из пещеры, смотрит на небо.)

Гул и вой усиливаются.

Евгения. Они плывут, они плывут... Последняя красота земли...

Шаман (бормочет). Что вы все наделали... Что вы наделали...

Взрывы, вспышки, все мечутся, небо становится ярко-оранжевым. Все заволакивается дымкой. И начинает идти снег...

Льдина в океане. Евгения, закутавшись в шкуру, трясется от холода. Только плеск воды и шум ветра. Обессиленный человек хватается за край льдины.

Человек (хрипит). Помоги...

Евгения (бросилась к нему, хватается за руки, тащит). Господи... человек... Человек... господи... (Вытащила его на льдину.)

Смотрят друг на друга.

Это наш последний дом?..

Кирилл. Все время вкус свинца во рту... Что это в воде?..

Евгения. Дохлая рыба... Это все до горизонта — дохлая рыба...

Кирилл. Я плыл и думал: какая тяжелая вода...

Евгения. Дохлая рыба... И снег... И больше ничего...

Кирилл. И темно... Или я слепну?..

Евгения (молится). Господи... Прошу тебя, пусть нас прибьет к берегу... Пусть мы продолжим род человеков. Не допусти, господи, чтоб все кончилось так...

Кирилл. Ничего не получится... Мы обречены. Все пустое... Я только хочу умереть... И стать одной из этих рыб...

Евгения. Иди... я укрою тебя... я согрею... я женщина... Я хранительница дома... очага... (Накрывает себя и Кирилла шкурой.) Усни, успокойся... Мы все начнем сначала... Есть льдина... есть волны... есть мы... Значит, есть жизнь...

Двое на льдине в огромном океане лежат, обнявшись крепко. А снег все идет и идет...

М а т ь. Диван-то дашь вынести... Или — с тобой нести? (И засмеялась.)

И грузчики засмеялись. Евгения огляделась по сторонам. Действительно всю мебель из квартиры уже вынесли. Остался только ее диван. Евгения улыбнулась и встала. С шутками и прибаутками грузчики схватились за диван и поволокли.

(Бормочет дружелюбно.) Все проспешь в жизни своей... Уж переехали, можно сказать...

Евгения. Ах, мама... Как это хорошо. Я чувствую себя лучше. И день сегодня...

М а т ь. Праздник...

С улицы доносятся победные марши... М а т ь, отец, Гриша, Ни на, Ф и л и п п то появляются, то исчезают, таскают чемоданы, коробки, связки книг. Евгения бесцельно шатается по квартире, пытаюсь помочь то одному, то другому... Вот все пошли вниз.

Ф и л и п п (в дверях). Жень, ты чего здесь? Пойдем...

Евгения. Я хочу... одна немного... попрощаться...

Ф и л и п п. Смотри уедет грузовик...

М а т ь. Ничего, ничего. Мы еще такси заказали. Ты, Филя, на грузовике можешь. А Женья — на такси. Сейчас придет.

Ф и л и п п. Жду, Жень... Давай... (Идет вниз со связками книг.)

Евгения. Я здесь немного... Ничего?

М а т ь. Ничего-ничего, родная... Ничего... (Ищет.)

Евгения. Ты что?

М а т ь. Спички куда-то сунула... Не видала?

Евгения. Нет...

М а т ь. Ну бог с ними... Ты, значит, здесь пока?

Евгения. Да...

М а т ь. Вот и хорошо... Мы будем знать... Только недолго... (Идет вниз.)

В дверях — В и т я с инструментами в руках.

В и т я. Можно?

Евгения. Ты чего?

В и т я. Кран чинить...

Евгения (засмеялась). Вить... Ну ты...

Мы же уезжаем... Все равно уж...

В и т я (упрямо). Я тогда не починил... Я хочу починить...

Евгения. Ну если хочешь... Символически...

В и т я. Хоть как... Чтоб не капал. Можно?

Евгения. Иди, конечно... Чудак ты, ей-богу...

В и т я (идет на кухню). На себя посмотри... (Возится с краном.)

Евгения (одна). Значит, так... До свидания, милые стены, пол и потолок... Здесь я прожила восемнадцать лет, и теперь я вас покидаю. Или вы меня... Нет, не так... Я хочу все плохое и грустное оставить здесь и не брать его с собой на новую квартиру, где все будет по-иному... И совсем не так... Сейчас я выйду отсюда, и все духи зла, духи тоски и печали не пойдут со мной. Они останутся здесь и будут наблюдать, как Витя чинит кран. Он отвлечет их. Духам тоже хочется чего-то нового...

В дверях появляется Кирилл в белом халате. Пауза.

Кирилл. Здравствуй, Евгения.

Евгения молчит.

Здравствуй, Евгения.

Евгения. Здравствуйте...

Кирилл. Я, конечно, мог бы снять халат у дверей... Но зачем?

Евгения. Действительно... Зачем?

Кирилл. Вот в чем дело, Женья...

Евгения. Вы приехали за мной?

Кирилл. Да.

Евгения. С машиной?

Кирилл. Да.

Евгения. С санитарями-перворазрядниками?

Кирилл. Они внизу.

Евгения. Ты же знаешь, что тебе я сопротивляться не могу... Я готова. Пошли...

Кирилл. Женья, послушай...

Евгения. Нет, знаешь... Возьми меня здесь... В последний раз... И потом поедем...

Витя гремит инструментами на кухне.

Кирилл. Там кто-то есть?

Евгения. Ах черт... Так... Дух один...

Кран чинит...

Кирилл. Послушай меня внимательно...

Евгения. Я теряю остатки воли, когда вижу тебя... Быстро скажи... Только быстро... Сколько у тебя любовниц? Быстро.

Кирилл. Есть вроде как...

Евгения. Сколько? Быстро.

Кирилл. Я уже не считаю. Старый стал.

Евгения. Возьми меня к себе в служанки... В наложницы... Как хочешь... что хочешь... возьми... ты не будешь ни видеть, ни слышать меня... только когда прикажешь... Возьми меня, господин мой. Не отдавай меня... Мне очень плохо на этом свете. Но я боюсь еще уходить на тот. Я не готова еще, господин мой.

Пауза.

Кирилл. Тебе очень везет в этой жизни. Когда твои родственники решили сдать тебя в сумасшедший дом, они могли это спокойно сделать, просто позвонив в больницу... Попросить пообследовать... И так далее. Но черт дернул твою матушку позвонить мне. Может, совесть мучила. Я сказал, что как раз дежурю. И был выработан замечательный план. Все уезжают на новую квартиру, а ты прямым ходом — в больницу...

Евгения. Зачем они так? Они бы сказали мне...

Кирилл. Они иначе не умеют. Их так всю жизнь воспитывали.

Евгения. Ну поехали тогда... Поехали скорее.

Кирилл. Ко мне?

Евгения. Нет... Зачем? В больницу...

Кирилл. Я тебя не понимаю. Ты же только что просилась ко мне?..

Евгения. Не мучай меня... Поехали скорее...

Кирилл. И поедem... Знаешь куда?

Евгения. Куда?

Кирилл. За ними вслед... На новую квартиру...

Евгения. После всего... Я не смогу видеть их... А они меня...

Кирилл. В том-то и дело, что надо смочь... Я скажу, что возил тебя... Что тебя не приняли... Что ты здорова... Что они обязаны...

Евгения. Я не смогу жить с ними... Никогда больше... Они обманули... предали... Это всё подло...

Кирилл. Надо жить с ними. Надо про-

должать жить с ними. Во что бы то ни стало.

Евгения. Зачем?

Кирилл. Бог знает, кто болен и кого надо лечить... Ты не должна их бросать...

Слышны шаги на лестнице.

Кто-то идет... Я — в ту комнату... Не хочу, чтобы меня видели... *(Скрывается в одной из комнат.)*

На пороге — Оля. Вошла, молчит.

Евгения. Оля, здравствуй...

Оля *(после паузы)*. Уже всё увезли?

Евгения. Да... Кроме меня...

Оля. А-а-а...

Пауза.

Евгения. Ты вот... приезжай теперь на новую квартиру... Как обоснуемcя... приезжай...

Пауза.

Сейчас такси за мной приедет... И поеду...

Оля. «Скорая помощь» внизу.

Евгения. Плохо, наверное, кому-то...

Оля. И там тоже «скорая помощь»...

Евгения. Где?

Оля. Женя... У меня Олег повесился...

Евгения *(вскрикнула)*. Как? Совсем?

Оля. Совсем... Иду к нему... я все обдумала... про Жана... Смотрю — дверь открыта... Мне как-то так муторно стало...

Вхожу... И тихо так как-то, как и не бывает... Еще тише, чем тишина. В комнате — нет. В ванной — нет. А в кухне — висит. Так, словно и всегда там висел.

Я даже не поняла ничего. Я и сейчас ничего не понимаю. Я ему говорю: «Олег». Он молчит. Я стул подставила. Начала его снимать. Долго снимала. Положила на диван... Там стоит... И потом не помню ничего. Смотрю на часы. А это я уже два часа сижу с ним рядом и по голове глажу. Потом встаю и говорю вдруг: «Чай пора пить...» И к плите иду. А он молчит.

Я ему всегда чай делала с бутербродами... Женя, что же делать теперь?

Евгения. Я не знаю...

Оля. Потом записку начала искать... Знаю, что всегда оставляют. Ничего не нашла. Только портрет мой в комнате незаконченный. Краски сырые еще...

Должна же быть записка? Верно?

Евгения. Не знаю...

Оля. Я пойду еще поищу... Правильно? *(Идет к дверям, оборачивается.)* Женя, а это что же? Его теперь уже больше никогда не будет? Женя, как это? Его уже теперь никогда не будет? Да? *(Сползла на пол и завыла.)* Этого не может быть. Этого не может быть. Олег, он всегда ведь был... всегда был... и как же теперь... *(Рыдает.)* Я не могу без него, я не могу... Олег, родной мой, больной, несчастный, милый мой...

Евгения *(обнимает Олю, пытается поднять)*. Оля, Оля... Я не знаю, что сказать... Так ужасно...

Оля *(отстраняет Евгению, поднимается)*. Должна же быть записка... Должна... Я пойду опять... поищу... Он не мог мне не написать... Не мог... Или — его оживили... Я пойду в больницу... Сейчас ведь медицина... Женя, как же это все... А вдруг... Бывает же... Все бывает... *(Быстро уходит.)*

Витя на кухне гремит инструментами. Из соседней комнаты выходит Кирилл. Молчит. За окнами раздаётся:

«Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?»

Кирилл. Надо ехать, Женя...

Евгения. Как скажешь...

Кирилл. Это твоя семья... дом... родина... И ничего другого не будет.

Евгения. Как скажешь... Они все равно рано или поздно отвезут меня...

Кирилл. Посмотрим... А ко мне... ты будешь приезжать?

Евгения. Как скажешь...

Кирилл. Мне иногда кажется, что я самый больной из всех своих пациентов...

Евгения. Я приеду...

Кирилл. Они просили и Филиппа посмотреть...

Евгения. Филиппа я им не дам...

Кирилл. И я не дам...

Евгения. Да...

Кирилл. Вот и хорошо. Пошли. Адрес новый знаешь?

Евгения. Знаю.

Кирилл. Я отвезу тебя. Идем?

Евгения. Идем...

Уходят. Витя выходит из кухни.

Витя. Что ж ты капаешь, сволочь... Есть тут кто-нибудь? Никого. Укатили. *(Нагнулся, поднимает с пола бубен.)* Ты смотри... бубен забыли... Древний какой... *(Ударяет негромко в бубен.)* И звук древний. Нет, я тебя все ж таки почию... Ты у меня капать перестанешь... *(Бьет в бубен, приплясывает, поет.)*

Стены голы, людей нет...

Дверь открыта, кран течет...

Все уехали, а я

С бубном здесь хожу...

(Остановился, оглядывает опустевшую квартиру, побренчал бубном.) Кто там звонит? Не заперто! Входите! Да входите же, говорю... Входите... *(Идет. Распахивает двери пошире.)* Добрый день! Добрый день! У вас ордер? Хорошо. Проходите. Проходите. Осматривайте. Осматривайте... Прекрасно... А я Виктор! Виктор я... Слесарь... *(Раскланивается.)* Если вдруг ванна, туалет... Или кран там потечет — это сразу ко мне... Приду — будем чинить... Ну, я пошел... *(Стоит в дверях.)* Нет-нет, вы уж сами посмотрите... Прекрасная квартира... А я пошел... Дела у меня... Дела... Если что — зовите... *(Уходит. Прикрывает плотно дверь.)*

Тишина.

Уважаемые читатели!

Редакция просит извинения за допущенные опечатки в № 3:

На титульном листе вместо — Зеленая улица следует читать — Зеленая зона.

При технологическом процессе на с. 194—195 не отмечены типографские опечатки: с. 194, 5-я строка снизу, 1-я колонка следует читать — поэтической; с. 195, 30-я строка в середине 2-й колонки следует читать — разнообразных пейзажей Америки и др. опечатки.